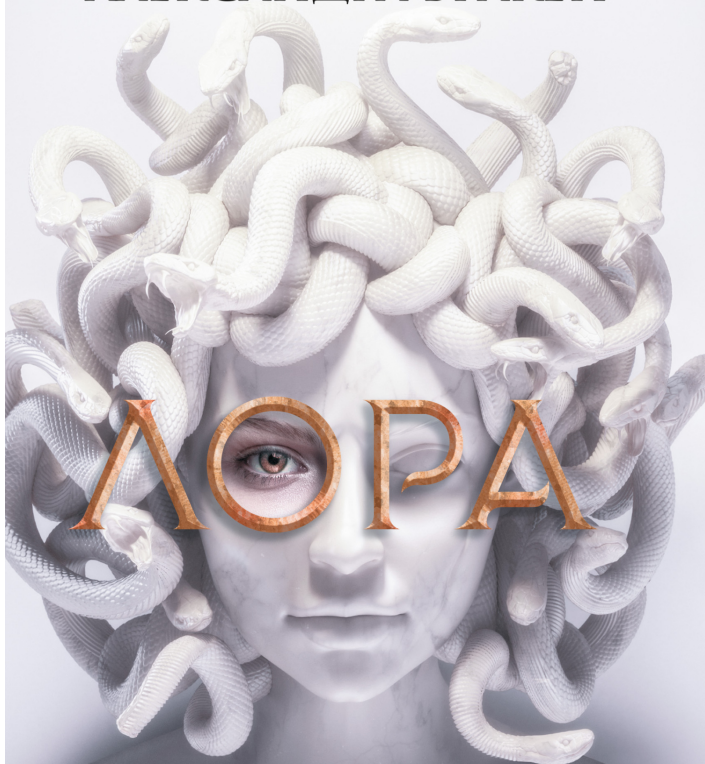

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ № 1 ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES
АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

СВЯЖИ СВОЮ СУДЬБУ С МОЕЙ

Александра Бракен

Лора

Серия «Mainstream. ФЭНТЕЗИ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67630409

Лора: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-136860-9

Аннотация

Каждые семь лет начинается Агон – охота на древних богов. В наказание за проявленную непокорность девять греческих богов отправляются на Землю в обличье смертных. На них охотятся потомки древних семей – убивший бога, получает его божественную силу и бессмертие.

Лора давно отвернулась от этого жестокого мира, после того, как ее семью жестоко убили. Но, когда в Нью-Йорке начинается новая охота, ее разыскивают два участника Агона: друг детства Кастор, которого Лора считала мертвым, и тяжело раненная Афина, одна из последних первоначальных древнегреческих богов.

Афина предлагает Лоре союз против общего врага и способ навсегда остановить охоту. Но для этого Лора должна присоединиться к охоте, связав свою судьбу с Афиной, – это дорогая цена, но она должна быть заплачена, чтобы не допустить

появления нового бога, способного поставить человечество на колени.

Содержание

Действующие дома	8
Часть I. Город богов	25
1	25
2	35
3	46
4	68
5	81
6	90
7	112
8	119
9	146
10	163
11	167
12	175
13	183
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Александра Бракен

Лора

Alexandra Bracken

LORE

Copyright © Alexandra Bracken, 2021

© И. Литвинова, перевод на русский язык

Designed by Marci Senders

Spot illustrations © 2021 by Keith Robinson

Map illustration by Keith Robinson © 2021 by Buena Vista Books, Inc.

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Моей греческой семье

Σας αγαπώ όλους¹

¹ Я люблю всех вас (греч.). Здесь и далее прим. редактора.

Действующие дома

ДОМ КАДМА – Кадмиды

Эмблема: змея

Повелитель: Раг², возрожденный Арес

² Wrath (*англ.*) – Гнев.

ДОМ ОДИССЕЯ – Одиссеиды

Эмблема: Троянский конь

Повелитель: Харткипер³, возроденная Афродита

³ Heartkeeper (*англ.*) – Хранитель сердец.

ДОМ ТЕСЕЯ – Тесеиды

Эмблема: Минотавр

ДОМ АХИЛЛА – Ахиллиды
Эмблема: воин

ДОМ ПЕРСЕЯ – Персеиды

Эмблема: Горгона

Повелительница: Тайдбрингер⁴, возрожденный Посейдон

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДОМА

⁴ Tidebringer (*англ.*) – Рождающая волну.

ДОМ МЕЛЕАГРА – Мелеагриды
Эмблема: Калидонский вепрь

ДОМ БЕЛЛЕРОФОНТА – Беллеронтиды
Эмблема: Пегас

ДОМ ЯСОНА

Эмблема: баран

ДОМ ГЕРАКЛА – Гераклиды

Эмблема: Немейский лев

Повелитель: Ревелер⁵, возрожденный Дионис

ЛИК ПОВЕЛИТЕЛЯ НЕБА ЯРКО СИЯЛ
НА ФОНЕ НАДВИГАЮЩИХСЯ СУМЕРЕК:
«СЛУШАЙТЕ МЕНЯ, КРОВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ
ТЕХ ГОРДЫХ СМЕЛЬЧАКОВ, ЧТО ОТВАЖИЛИСЬ
ОТПРАВИТЬСЯ ВО ТЬМУ, ДАБЫ ИСТРЕБИТЬ
МОНСТРОВ И ЦАРЕЙ ПРОШЛОГО, – МЕРНО
ПАДАЛИ СЛОВА. – Я ПРИЗЫВАЮ ВАС К

⁵ Reveler (англ.) – кутила.

РЕШАЮЩЕМУ АГОНУ⁶, ПОБЕДА В КОТОРОМ ОЗНАЧАЕТ НЕПРЕХОДЯЩУЮ СЛАВУ. ДЕВЯТЬ БОГОВ ПРЕДАЛИ МЕНЯ И ЗАСЛУЖИВАЮТ ЖЕСТОКОЙ МЕСТИ. ТАК, НА ИСХОДЕ КАЖДЫХ СЕМИ ЛЕТ СЕМЬ ДОЛГИХ ДНЕЙ БУДУТ ОНИ БРОДИТЬ ПО ЗЕМЛЕ В ОБЛИКЕ СМЕРТНЫХ. А ПОТОМУ ВЫ И ВАШИ ПОТОМКИ ОТНЫНЕ И ВПРЕДЬ МОЖЕТЕ ИЗМЕНИТЬ ПРЕДНАЧЕРТАННЫЙ ПУТЬ И ОБРАТИТЬ НИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ В НЕТЛЕННОЕ ЗОЛОТО. ЯВИТЕ СВОЮ СИЛУ И УМЕНИЯ, И Я НАГРАЖУ ВАС ПЛАЩОМ И БЕССМЕРТНОЙ ВЛАСТЬЮ БОГА, ЧЬЕЙ КРОВЬЮ БУДЕТ ОБАГРЕН ВАШ КЛИНОК. НО ЗА ЭТО Я ПРОШУ МНОГОГО. СОБЕРИТЕСЬ В САМОМ СЕРДЦЕ ИЗВЕСТНОГО МИРА И С РОЖДЕНИЕМ ДНЯ НАЧИНАЙТЕ ОХОТУ – ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ОСТАНЕТСЯ ЛИШЬ ТОТ, КТО ПЕРЕРОДИТСЯ ЦЕЛИКОМ».

«Зевс в Олимписи», перевод Креона из Дома Одиссеидов

⁶ Борьба или состязание у древних греков и римлян.

* * *

Очнувшись, он сразу почувствовал под собой грубую землю. Ноздри наполнил смрад крови смертных.

Тело восстанавливалось медленнее, чем разум. От непрощенных ощущений вспыхнула и, подобно обожженной глине, затвердела его кожа.

Роса пропитала тонкое голубое одеяние, голые ноги по

щиколотку забрызгала грязь. Его колотило от холода, по телу пробежала унижительная дрожь. Кажется, он простудился. Впервые за семь лет.

Человеческая кровь текла в его жилах, эта густая мерзкая жижа... Не то что благодатный солнечный ихор⁷, который когда-то выжиг все следы его смертности и выпустил обратно в мир. Долгие семь лет он ураганом носился по ближним и дальним землям, распалял злобой сердца убийц, раздувал угли конфликтов в пламя. Он был сама ярость.

Снова почувствовать ограниченность человеческого тела... влиться обратно в этот жалкий сосуд... Какая пытка! Он был почти готов пожалеть старых богов. Они пережили это изуверство уже двести двенадцать раз.

Но только не он. Это последний раз, когда он ощутил вкус смертности.

Он еще не полностью пришел в себя, однако узнал и город, и большой парк. И запах подстриженной травы, к которому примешивалась вонь нечистот. И гул машин где-то рядом. И наэлектризованное, беспокойное биение пульса глубоко под асфальтом улиц.

Уголки его рта скривились в попытке вспомнить, как улыбаются. Когда-то, в той, смертной, жизни, этот город принадлежал ему: улицы предлагали свои сокровища, те, кто жаждал богатства, продавали частички власти. Однажды Манхэттен уже склонился перед ним и сделает это

⁷ В греческой мифологии ихор – кровь богов, отличная от крови смертных.

снова.

Он перекатился на бок, потом осторожно сел на корточках. Наконец убедившись, что сможет удержаться на ногах, медленно поднялся во весь рост.

Все вокруг было залито темной кровью. Юная девушка смотрела на него невидящими глазами. Сорванная маска валялась рядом, в горло был воткнут нож. Мужчине отсекали голову, однако маска в виде лошадиной морды по-прежнему скрывала его лицо. Рука, на которой не хватало пальцев, сжимала клинок.

Справа послышался тихий шорох – чьи-то шаги. Он потянулся за мечом, которого у него больше не было. Из тени ближайших деревьев, которые росли вдоль мощеной дорожки, выступили три фигуры и двинулись ему навстречу. На бронзовых масках было изображение змеи.

Кровные родственники из смертных. Дом Кадма⁸. Они пришли, чтобы забрать его, своего нового бога.

Наблюдая за их приближением, он с хрустом покрутил шеей. Охотники явно испытывали благоговейный страх, и это радовало. Его предшественник, последний новый Арес оказался недостойным носить плащ Бога Войны. С каким невыразимым удовольствием семь лет назад он убил этого Ареса и заявил о своем праве первородства.

⁸ Кадм – в древнегреческой мифологии основатель города Фивы (современный город носит то же название), для чего должен был убить священного змея бога войны Ареса. В конце жизни был обращен богами в змея.

Самый рослый из трех охотников выступил вперед. Белен. Новый бог с удовлетворением наблюдал, как молодой человек хладнокровно выдергивает стрелы из тел.

Жаль, что его единственный выживший отпрыск родился бастардом и не мог стать наследником Аристоса Кадму, того смертного, которым когда-то был новый бог. Тем не менее, глядя на него, он испытал прилив гордости, и его губы довольно изогнулись.

Белен сдвинул маску на затылок и почтительно потупил взгляд. Бог поднял руку, ощупывая свое лицо из по-юношески гладкой плоти. Покрытая шрамами прежняя оболочка была содрана в момент вознесения, возвращая ему вечную молодость. Отныне и навсегда.

– Самый почитаемый из нас, – произнес Белен, опускаясь на колени. Он протянул новому богу сверток, который достал из набедренной сумки: темно-красную шелковую тунику взамен запачканной грязью небесно-голубой. – Приветствуем тебя и предлагаем кровь твоих врагов как дань уважения к твоему имени и в знак нашей вечной преданности. Мы здесь, чтобы защищать тебя ценой нашей жизни, пока не придет время тебе снова возродиться и властвовать.

– И не только, – прохрипел новый бог, каждое слово давалось ему с трудом.

– Да, мой господин, – подтвердил Белен.

Из-за спины Белена показались еще охотники, все в черном. Они волокли кого-то в небесно-голубой хламиде.

– Подведите его ко мне, – приказал Белену новый бог.

В это же время два черных внедорожника с выключенными фарами вывернули с соседней улицы и помчались к ним прямо по лужайкам Центрального парка. Кадмиды приступили к работе. Развернув брезент, они перенесли на него мертвых охотников. Сняли пропитанную кровью землю. Раскатали новые рулоны газонной травы. Погрузили обезображенные тела в багажник третьей машины, подъехавшей следом.

Он знал: в разных концах Парка представители других Домов проводят сейчас такой же ритуал.

Пленника потащили дальше, и тот, словно бешеное животное, снова забился в руках державших его мужчин, пытаясь боднуть их головой. Еще раньше ему перерезали сухожилия на лодыжках, чтобы он не смог воспользоваться своей суперсилой – скоростью – и сбежать. Хорошо.

Охотники заставили пленника опуститься на колени. Новый бог нагнулся, чтобы сорвать капюшон с его головы.

Золотистые глаза пылали свирепым огнем, в них кружились искры ярости. Кровь сочилась из раны на лбу, стекая по некогда сияющей коже на небесно-голубую тунику.

– У тебя отняли твою последнюю силу, – проговорил новый бог. Запустив пальцы во вьющиеся пряди каштановых волос старого бога, он запрокинул ему голову, заставляя того встретиться с ним взглядом.

– Я знаю, чего ты хочешь, Богоубийца, – произнес старый

бог на древнем языке. – Но этого ты никогда не найдешь.

Новому богу нужно было знать только одно – что ЭТО не уничтожено. И его гнев был похож на эйфорию. Он поднес острый как бритва край клинка, что почтительно подал ему Белен, к мягкой смертной плоти старого бога и улыбнулся.

– Обманищик. Посланец. Путешественник. Вор, – изрек новый бог. И в следующий миг лезвие пронзило позвоночник пленника. – Ничто.

Из раны хлынула кровь. Новый бог упивался зрелищем. Он видел, как страх сменился болью, потом неверием... Божественная сила пленника угасала. Жаль, что новый бог не мог завладеть ею.

– Таков порядок вещей, не так ли? – Наклонившись, новый бог наблюдал последнюю вспышку жизни в глазах старого бога. – Этот же путь прошел твой отец, а еще раньше – отец твоего отца. Старые боги должны умереть, чтобы позволить новым подняться.

В Парке царил тишина, прерываемая чавкающими звуками, с которыми клинок входил в плоть, и треском, с которым голова Гермеса наконец отделилась от тела. Новый бог высоко поднял эту голову – так, чтобы ее увидели его последователи.

Охотники зашипили от восторга и начали бить себя кулаками в грудь. Еще раз взглянув на свой трофей, новый бог швырнул голову Гермеса в груды других останков, сваленных

на брезент. Когда наступит утро, никаких следов не останется – ни от восьми богов, которые подобно вспышке молнии возникли в разных концах Центрального парка, ни от охотников, павших в попытке расправиться с ними.

А вокруг гудел город, изнывая от едва сдерживаемого хаоса. В этих звуках новому богу слышалась песнь грядущего ужаса. Он понимал это страстное желание – сорваться с привязи.

– Я – Рат. – Новый бог опустился на колени и погрузил пальцы в кровавую грязь. – Я ваш хозяин. – Он провел пальцами по щекам. – Я – ваша слава.

Столпившиеся вокруг охотники стянули маски и рухнули рядом, размазывая влажную землю по возбужденным лицам.

Наступала новая эпоха, когда всем завладеет тот, кто достаточно силен для этого.

– А теперь, – объявил новый бог, – мы начинаем.

Часть I. Город богов

1

«Хочешь узнать истинную суть человека – сразись с ним!» – говорила мать. Вот только по опыту Лора знала, что обычно в драке обнаруживается самое уязвимое место противника. Сейчас это была свежая татуировка на груди соперника, слева – он даже не снял повязку.

Лора встала в боевую стойку, и рукой в перчатке отбила еще один неточный удар. Отскочила назад, и дешевые голубые маты закрипели под ее кроссовками. Полоски серебристого скотча, скреплявшие самодельный ринг, после пяти боев начали отклеиваться от жары и влаги. Лора недовольно заворчала, когда обрывок скотча прилип к ее подошве.

Горько-соленый пот струился по лицу, разъедая глаза и губы. Но Лора даже не пыталась утереться. Боль помогала сосредоточиться.

Эти боксерские поединки по вечерам – просто еще одна скверная привычка. Но после смерти Гилберта именно она принесла облегчение, в котором она так отчаянно нуждалась. Вот только данное себе обещание: провести *единственный бой* – мгновенно забылось, когда Лора почувствовала знакомый прилив адреналина.

Одного поединка оказалось достаточно, чтобы стряхнуть отупляющее забытие горя, вырваться из плена тягостных мыслей и вернуться в собственное тело. Два боя – и острая боль в сердце утихла. А после третьего в ее карманах появилась впечатляющая сумма денег. Наличными.

И вот теперь, спустя полгода, пятнадцатый по счету бой принес именно то, чего Лора так хотела в ту ночь: возможность отвлечься и забыться. Конечно, говорила она себе: остановиться можно в любой момент. Как только почувствует, что бои перестают быть удовольствием. Она остановится, если то, что было глубоко похоронено, снова выберется на

поверхность. Но этот момент еще не настал. Пока не настал. В тесном подвале китайского ресторанчика «Красный дракон. Лучшая китайская еда» стояла одуряющая духота. Пышущая жаром стена из тел окружала ринг. Толпа колыхалась в такт движениям бойцов. Пальцы сжимали пластиковые стаканы, стараясь не расплескать дорогой алкоголь. Громко выкрикивались ставки, деньги текли рекой, из рук в руки, прямо к Фрэнки, организатору боев, который еще следил за порядком в зале, принимал ставки и записывал, кто и на кого поставил на следующие два боя. Фрэнки всегда больше интересовал выигрыш, чем имя победителя.

Из кухни наверху валил влажный пар, клубился в свете ламп. Восхитительный аромат курицы «кунг пао» перебивал вонь застарелой рвоты и пива, которая стояла во всех закрытых ночных клубах, где проходили бои.

Однако толпу такие мелочи не заботили. Неважно где и как, лишь бы испытать хотя бы подобие острых ощущений. Особый гостевой список Фрэнки за последнее время существенно расширился: рядом с красотками-манекенщицами, представителями богемы и деловыми парнями, передающими из рук в руки маленькие пакетики белого порошка, все чаще мелькали богатенькие подростки из частных школ, испытывавшие пределы родительского пофигизма.

Противником Лоры на ринге сегодня был ее ровесник – гладкая, без единой царапины кожа, нахально-самоуверенная физиономия. Выбирая из тех, кого выставил Фрэнки, па-

рень, рассмеявшись, ткнул пальцем в нее. Лора решила наказать наглеца и сбить с него спесь, пока он не стал называть ее *мальшкой* и приставать с пьяными поцелуями.

– Дай-ка угадаю, – процедила она сквозь капюшон, кивнув на повязку, прикрывающую свежую татуировку на груди соперника. – «Жить, смеяться, любить»? «Пить *Rosé* с утра до ночи»?

В толпе расхохотались, а парень набычился. Крякнув, он что есть сил замахнулся, целясь Лоре прямо в голову, но только сам подставился под удар. И она ткнула перчаткой прямо в нежную, покрытую чернилами кожу.

Задохнувшись от боли, парень выпучил глаза, ноги его подогнулись, и он рухнул на коврик.

– Вставай, – бросила Лора. – Не позорь своих приятелей.

– Ты... ты, глупая су... – Парень чуть не подавился капой.

Еще до начала схватки Лора прикидывала, как быстро он сдуется. Хватило пяти минут.

– *Уверена*, что ты не меня имел в виду, – протянула она, обходя его кругом. – Кто из нас двоих на четвереньках?

Ее противник, с покрасневшим от злости лицом, шатаясь, поднялся на ноги. Лора закатила глаза. «Похоже, ему уже не так смешно?» – хмыкнула она про себя.

«Оставь этого дурачка в покое», – сказал бы сейчас Гил. Если назревала стычка, он всегда – мягко, не осуждая, – спешил напомнить, что не стоит ввязываться в каждую драку, даже если кто-то на это напрашивается. А эти бои Гил точно

возненавидел бы, и Лора страдала от чувства вины еще и за это. За то, что разочаровала его.

Но она пыталась по-другому, правда. Но только хороший мордобой помог справиться с чередой сокрушительных утрат. Однако сейчас речь шла не только о смерти Гила – ее терзал новый страх.

Наступил август, и в город вернулась *охота*.

Несмотря на все старания забыть о печальном прошлом и выйти из тьмы обратно на свет ради новой, лучшей жизни, часть разума Лоры продолжала вести обратный отсчет дней. Ее тело окрепло, инстинкты обострились, как будто в ожидании того, что должно произойти.

Уже две недели назад Лора стала то здесь, то там замечать знакомые лица. Сомнений не осталось: шли последние приготовления к роковой ночи. Это знание пронзило ее, вышибло воздух из легких. Каждая встреча подтверждала худшие опасения. Ее надежды, безмолвные мольбы – все было напрасно. «Пожалуйста, – много месяцев, не переставая, просила она, – пусть в этом цикле жребий падет на Лондон. Пусть это случится в Токио».

Пусть это произойдет где угодно, только не в Нью-Йорке.

Лора знала, что этим вечером, в самый разгар резни, ей лучше остаться дома. Стоит хоть одному охотнику узнать ее, и сородичи из его клана откроют охоту не только на богов. Они захотят добраться и до нее.

Краем глаза Лора заметила, что Фрэнки бросил взгляд на

старомодные карманные часы и подал сигнал: «Закругляйся». Наверняка мечтает уже свалить и оттянуться, деньги жгут карман.

– Готов? – спросила Лора.

Похоже, ее соперник все-таки принял на грудь перед боем. Неуклюже размахивая кулаками, он погнался за Лорой по рингу. Толпа гоготала все громче, и парень совсем расвирепел.

Когда Лора увернулась от удара, цепочка с подвеской в виде золотого перышка, блеснув в тусклом свете, выпала из выреза ее футболки. Перчатка противника зацепилась за тонкую металлическую нить, застежка щелкнула, и амулет упал прямо к ее ногам.

Стянув перчатку и поднырнув под руку противника, который снова приготовился к атаке, Лора схватила цепочку и амулет – и то, и другое подарил ей Гилберт, – и для надежности засунула в задний карман джинсов. Натягивая перчатку обратно, она пылала от ярости.

Снова принимая стойку, Лора напомнила себе, что убивать парня она не вправе. Однако ничто не мешает ей перебить его милый носик. Что, под одобрительные возгласы толпы, она и сделала. Побелев от боли, парень грязно выругался.

– Думаю, тебе уже давно пора в кроватку, *малыш*, – бросила Лора, поворачиваясь к Фрэнки и ожидая, что тот объявит исход поединка. – На самом деле...

Она успела заметить приближающийся кулак и дернуть головой, так что удар пришелся в висок, а не в глаз. Мир окрасился в черный, затем снова вспыхнул яркими красками, но ей удалось удержаться на ногах.

Не обращая больше внимания на кровоточащий нос, парень торжествующе завопил, вскидывая руки в воздух, и снова бросился на Лору, которая только и успела инстинктивно прижать перчатки к груди, защищаясь. Впрочем, у противника были другие планы. Зажав шею девушки локтем, парень впился ей в губы.

Паника ослепляла, по коже пробежала ледяная дрожь, голове было пусто. А парень только крепче прижался к Лоре всем телом, слюнявя ее рот. Толпа ревела от восторга.

И тут Лора взорвалась. Все, чему она сопротивлялась последние несколько недель, с бешеным ревом вырвалось из ее груди. Получив резкий удар коленом между ног, парень рухнул на маты и завизжал так, будто его режут, а удары сыпались на него один за другим.

Сознание вернулось к Лоре, когда ее, продолжавшую рычать и брыкаться, подняли над полом. Ее перчатки были в крови, а то, что осталось от лица парня, не поддавалось описанию.

– Уймись! – Большой Джордж, один из охранников Фрэнки, тряхнул ее за плечи. – Детка, он того не стоит!

Сердце Лоры колотилось о ребра, она никак не могла отдышаться. Ее трясло от адреналина. Большой Джордж опу-

стил ее на пол и держал, пока она не кивнула в знак того, что с ней все в порядке. Тогда Большой Джордж подошел к парню, стонущему на матах, и слегка пихнул его ногой. Кровь перестала стучать в ушах, и Лора вдруг заметила, какая наступила тишина. Только в кухне наверху продолжали стучать и греметь посудой.

Ужас медленно расползлся по ее телу, сердце будто стянули обручем. Пальцы в перчатках свело так, что они заныли от боли. Лора не просто потеряла контроль. Та часть ее натуры, которую она, вроде бы, похоронила много лет назад, снова вернулась и одержала верх.

«Это не я, – подумала она, вытирая пот с верхней губы. – Больше не я».

Но у нее были неотложные дела – нужно было спасти заработанные этим вечером деньги. И хотя ее переполняла болезненная, острая ненависть к поверженному противнику, этому скулящему куску дерьма, Лора, сглотнув желчь, кротко улыбнулась, вскинула руки и смущенно пожала плечами. Зрители разразились одобрительными возгласами, приветственно поднимая пластиковые стаканы с выпивкой.

– Ты не выиграла, ты жульничала, – ныл парень. – Это нечестно, ты жульничала!

В этом-то и проблема таких парней. Да, он вне себя от бешенства, но не потому, что рушится мир. А потому, что рушится тот иллюзорный мир, в котором он достоин всего на свете, и все принадлежит ему... просто так, а не потому,

что он этого заслуживает.

Дернув зубами за шнурок правой перчатки, Лора склонилась над противником. Толпа снова притихла как голодное воронье перед тем, как наброситься на добычу.

– Может, тебе теперь набить «Вечный лузер»? – сладко пропела она, на этот раз придавив его повязку кулаком.

Удар колокола, возвестивший об окончании поединка, заглушил возмущенные вопли парня, и Большой Джордж поволок бедолагу к кучке его друзей. Приходить сюда сегодня было ошибкой. Сбросить напряжение не вышло – наоборот, она завелась еще больше. Но уже подойдя к краю ринга, она услышала голос Фрэнки:

– Следующий поединок: Золотая против Близнецов.

Лора бросила на него раздраженный взгляд. Фрэнки как всегда невозмутимо улыбнулся и показал ей пять пальцев. Лора покачала головой, и он поднял еще три. Все бросились делать ставки, мятые купюры запорхали в воздухе.

Нужно уходить. Она это знала, но... Лора показала Фрэнки все десять пальцев. Тот нахмурился, но потом все-таки махнул рукой в сторону ринга. Снова натянув перчатки, Лора вернулась на маты. Если ее соперником окажется кто-то из приятелей того юнца, может быть, удастся развлечься.

Не удалось.

Ее противник держался в тени, стараясь не попадать в круги света, что отбрасывали лампы над головой. Но вот молодой человек шагнул вперед, и этого было достаточно,

чтобы тусклое сияние выхватило бронзовую маску, скрывавшую его лицо.

У Лоры перехватило дыхание, она отшатнулась.

Охотник.

2

В голове пронеслось: *БЕГИ!*

Но инстинкты требовали иного, и тело послушалось. До крови закусив губу, Лора ушла в защиту. Каждая клетка ее тела вибрировала, наэлектризованная страхом и азартом.

«Ты идиотка», – мысленно обругала она себя. Придется убивать его на глазах у всех этих людей... или как-то перенести бой на улицу и расправиться с ним там. Другие варианты Лора не рассматривала. Она не собиралась умирать на залитых алкоголем матах в подвале китайского ресторана, где даже не подают «мапо тофу»⁹.

Противник угрожающе нависал над Лорой, а она пыталась делать вид, что это ее не волнует. Она была далеко не маленькой, но охотник оказался выше сантиметров на пятнадцать, если не больше. Простая серая футболка и спортивные штаны плотно облегли рельефную фигуру. Каждый мускул его тела был очерчен так же четко, как у тех атлетов, которых она видела на древних вазах отца. Маска, скрывавшая лицо, выражала ярость воина в тот момент, когда из его груди рвется боевой клич.

Дом Ахилла.

«Да уж, – приуныла Лора. – Хреновая ситуация».

– Я не сражаюсь с трусами, которые скрывают лицо, – хо-

⁹ Популярное блюдо китайской кухни, острый соевый творог.

лодно произнесла она.

– Я так и думал, – раздался теплый голос, в котором слышался едва сдерживаемый смех.

Охотник отшвырнул маску прочь... и мир вокруг запылал, сгорая дотла.

Ты же мертв.

Слова застряли в горле. Лора качнулась назад, пытаясь глотнуть воздуха, но толпа толкнула ее обратно на маты. Лица вокруг расплывались, сливаясь в одно темное пятно.

«Ты же должен быть мертв, – потрясенно думала Лора. – Ты умер».

– Удивлена? – В его голосе слышалась надежда, но глаза смотрели испытующе, встревоженно.

Кастор.

Черты его прекрасного лица, утратив юношескую округлость, стали четче, заострились. Поразительно, каким глубоким стал его голос.

На одно ужасное мгновение Лоре показалось, что она попала в осознанное сновидение¹⁰. И закончится оно так же, как и другие сны, когда ей снилось, что родители и сестры живы. А, проснувшись, она будет захлебываться от рыданий или лежать с сухими глазами, не в силах подняться с постели. Лоре казалось, что голова сейчас взорвется от напряжения. Она застыла, не позволяя себе надеяться – надежда уничто-

¹⁰ Осознанное сновидение – измененное состояние сознания, когда человек понимает, что видит сон, и даже может управлять его содержанием.

жит ее.

Но Кастор Ахиллеос не исчез. Синяки, которые она получила во время предыдущего поединка, никуда не делись, боль пульсировала в теле. Запахи выпивки и жареной пищи все так же витали в воздухе. Она чувствовала, как капли пота стекают по лицу и спине. Все происходило наяву. Но Лора все равно не могла пошевелиться. Не могла отвести взгляд от его лица.

Он настоящий.

Он жив.

Наконец эмоции прорвались наружу. И к собственному изумлению, Лора почувствовала злость – не дикую и всепоглощающую, а острую и безжалостную, как тренировочные клинки, какими они когда-то сражались.

Кастор жив, и он позволил оплакивать его целых семь лет.

Лора попыталась вытереть лицо перчаткой и сосредоточиться, хотя ее тело не желало группироваться. Предстоял бой. Противник нанес первый удар, но этот парень когда-то был ее лучшим другом, и она знала, как ответить.

– С чего бы мне удивляться? – Наконец она сумела взять себя в руки. – Я понятия не имею, кто ты такой.

На лице Кастора промелькнула растерянность, но вот он вскинул бровь, сверкнув легкой понимающей улыбкой. В зале заулюлюкали, и кое-кто начал перешептываться.

Отказаться от боя, послав противника куда подальше? Это чревато ненужными разборками, придется объясняться

при посторонних. Но после всего, что случилось, выпустить его из этого подвала целым и невредимым, просто невозможно. Лора повернулась, чтобы подать сигнал Фрэнки, надеясь, что никто не заметит, как ее сердце рвется из груди.

Ударил колокол. Толпа заплодировала. Лора пригнулась, встала в боевую стойку.

«Убирайся, – мысленно твердила она, буравя Кастора взглядом поверх перчаток. – Оставь меня в покое».

За последние семь лет он даже не пытался ее разыскать! Зачем тогда все это сейчас? Хочет посмеяться над ней? Заставить вернуться? Черта с два у него это выйдет.

– Прощу, будь осторожнее. – Кастор разглядывал дырку в одной из перчаток, которые кто-то ему одолжил. – Я давно не тренировался.

Мало того, что он жив, так еще и выучился на целителя, а не на воина, как и собирался. Его жизнь сложилась именно так, как он хотел, – без всякого ее вмешательства. И он так и не появился, чтобы ее найти. Даже когда она так в нем нуждалась.

Легко пружиня на ногах, Лора кружила вокруг Кастора. Семь лет, будто море цвета темного вина, пролегли между ними.

– Не волнуйся, – холодно бросила она. – Все закончится быстро.

– Надеюсь, не слишком. – Усмешка снова тронула его губы.

Его темные глаза сверкнули в свете раскачивающихся над головой лампочек, в них будто вспыхнули искры. Длинный прямой нос, хотя и не раз сломанный в спаррингах, резко очерченный подбородок, скулы, острые как лезвия.

Лора сделала первый выпад. Кастор уклонился от удара. Он оказался быстрее, чем она помнила, но его движения были немного дергаными. Каким бы мощным ни выглядело его тело, Кастор явно не тренировался. На ум пришло сравнение с проржавевшим механизмом, который пытается работать в обычном ритме. Словно в подтверждение, Кастор слишком далеко шагнул назад, едва не потерял равновесие, но в последний момент удержался на ногах.

– Ты здесь, чтобы сражаться, или нет? – прорычала она. – Мне платят за поединок, так что перестань тратить мое время!

– Я и не собирался, – возразил Кастор. – Кстати, ты все еще опускаешь правое плечо.

Лора нахмурилась, сопротивляясь желанию выпрямиться. Они уже теряли внимание любителей почувствовать адреналин в крови. Подземный этаж содрогнулся, когда толпа затопала в бешеном ритме, заставляя бойцов ускорить темп.

Кастор уловил настроение публики, а может, в нем уже было немало алкоголя – его лицо внезапно напряглось и сосредоточилось. Лампочки все так же раскачивались на цепях, отбрасывая длинные тени, и Кастор то и дело исчезал в полумраке, как будто узнал, как превращаться в тьму.

Он сделал ложный выпад направо и несильно ударил Лору в плечо.

Вспышка ярости, весь мир утонул в обжигающе белом цвете. Выходит, она даже не заслуживает и капли уважения как достойный противник! Для него этот бой всего лишь развлечение!

Лора врезала Кастору кулаком по почкам, и, когда тот согнулся пополам, резко припечатала в левое ухо. Тот пошатнулся и, в конце концов, не удержавшись на ногах, упал на одно колено.

Лора нанесла еще один удар, на этот раз целясь прямо в лицо, но Кастор сумел выставить блок, и отдача отозвалась у нее в предплечье.

– Продолжишь эти игры, и посмотрим, чем они для тебя закончатся, – прошипела Лора.

Кастор посмотрел на нее сквозь пряди темных непослушных волос, упавших на глаза, его кожа цвета слоновой кости сияла. Лора не могла отвести от него глаз. Пот капал с подбородка, тело все еще пульсировало от клочущей внутри бури. Огоньки ламп снова заплясали в его темных глазах, создавая почти гипнотический эффект. Он больше не улыбался, словно Лора стерла эту улыбку с его лица.

Рванувшись вперед, он в броске дернул ее за колени захватом сзади. И в следующее мгновение Лора уже лежала на спине, хватая воздух ртом. Публика взорвалась аплодисментами.

Приготовившись отбросить противника назад, Лора дернула ногой, но тут же услышала довольный голос Фрэнки:

– Никаких пинков!

Ладно.

Она резко перекатилась налево, к самому краю матов и снова вскочила на ноги. Но теперь, когда она атаковала Кастора, он был готов. Она пригнулась и подпрыгнула, полностью отдаваясь схватке. Ее губы скривились в невольной улыбке.

На верхних ступеньках лестницы возникла какая-то суета – очевидно, пришел кто-то еще. Лора отвлеклась, и это дорого ей обошлось – Кастор нанес ей мощный удар в живот.

Она закашлялась, пытаясь не согнуться пополам. Кастор широко распахнул глаза. Похоже, что он испугался.

– Ты в поря... – вырвалось у него.

И в этот момент Лора боднула его головой в грудь. Все равно, что врезаться в бетонную стену... Каждый сустав в ее теле кричал от боли, перед глазами поплыли черные точки, но Кастор рухнул на пол, и она вместе с ним.

Кастор перекатился и оказался сверху. Осторожно, чтобы не раздавить своим весом, прижал ее к матам. Лора мстительно отметила, что он дышит так же тяжело, как и она.

– Ты же умер, – сумела выдавить она, пытаясь вырваться из захвата.

– У меня не так много времени, – перебил ее Кастор, после чего перешел на древний язык. – *Мне нужна твоя помощь.*

Ее кровь заледенела от слов, произнесенных на языке, который она так упорно заставляла себя забыть.

– *Что-то происходит*, – продолжил он. Борьба разогрела его тело, оно стало почти обжигающим. – *Не знаю, кому я могу сейчас доверять*.

Лора отвернулась.

– А я тут при чем? Я вышла из игры.

– Знаю, но должен предупредить тебя... *Проклятье...* – выругался Кастор, снова переходя на древний язык.

Они снова покатались по полу, и теперь наверху оказалась Лора. Словно в тумане она слышала, как толпа скандирует обязательный отсчет до восьми. Слишком поздно до нее дошло, что он позволяет ей победить.

– Какой же ты осел... – начала она.

Его взгляд был прикован к лестнице, к человеку, которого она заметила раньше. Это был Эвандер – родственник Кастора, товарищ по детским играм.

На нем тоже была черная одежда охотника с отблеском чего-то золотого на груди, прямо над сердцем. Темная с холодным перламутровым оттенком кожа мерцала в клубах пара, который шлейфом тянулся из кухни. Теперь Ван носил очень короткую стрижку, которая еще сильнее подчеркивала его потрясающую красоту. Быстро взглянув на Кастора, он подал ему какой-то знак.

– Время вышло, – проговорил Кастор.

О чем он? Об этой схватке или о чем-то другом?

– Подожди, – Лора вцепилась в его руки, но Кастор уже оторвал ее от себя и поднялся.

Его ладони на мгновение задержались на ее талии.

– Он что-то ищет, и я не знаю, связано ли это с тобой.

Когда до Лоры дошли его слова, у нее перехватило дыхание. Существовал лишь один *он*, которого ей следовало опасаться. Теперь она боролась за каждый глоток воздуха. Боролась с нарастающим шумом в ушах.

– Может, ты и покончила с Агоном, но я не думаю, что Агон покончил с тобой. Будь осторожна. – Кастор пристально посмотрел на нее, а потом наклонился ниже и прошептал на ухо: – Ты все еще сражаешься как Фурия¹¹.

Отстранившись, Кастор отвесил ей поклон, принимая свист толпы и предложенный ему красный пластиковый стакан с выпивкой. Протискиваясь сквозь толпу, он направился к Эвандеру. Когда Кастор поравнялся с ним, тот крепко схватил его за предплечье, и они оба исчезли в душной кухне.

Кто-то хотел поднять ее руку в воздух, чтобы объявить о победе, но Лора, вырвавшись, уже пробивалась сквозь толпу зрителей.

«Что ты делаешь?! – вопил ее разум. – Пусть они уходят!»

Возле лестницы она с кем-то столкнулась, да так сильно, что человек, спотыкаясь, отлетел к стене. Бормоча извинен-

¹¹ Фурии в римской мифологии, или Эринии в древнегреческой – богини ненависти и мести.

ния, Лора резко обернулась и...

Проклятье.

Кожа, белая как мел. Темные глаза вытаращились, встретившись с ее глазами. Тощая фигура в узких джинсах. На голове хипстерский ежик. На шее – ожерелье из конского волоса. Майлз.

Да как так-то?! Как, черт возьми, эта ночь могла стать еще хуже?

– Жди здесь! – приказала она.

Дождавшись ошеломленного кивка, Лора влетела в кухню. Лавируя между возмущенными поварами, пробираясь сквозь завесу пара, она наконец увидела аварийную дверь с отключенной сигнализацией и выскочила на темную улицу.

В ночном воздухе вспыхнули красные огни задних фонарей внедорожника, рванувшего со стоянки. Одинокий пластиковый стаканчик покатился к ее ногам. На его стенке было что-то размазано.

Чернила.

Лора повернулась к тусклой лампочке над дверью, пытается разобрать неровные буквы. Кровь бешено стучала в висках.

*Аподидраскинда*¹².

Детская игра. Прятки. Вызов. *Найди меня, если сможешь.*

Выбросив стакан в ближайшую урну, Лора дернула ручку двери.

¹² Игра в прятки, описанная греком Юлием Поллуксом (II в. н. э.).

К тому моменту, как Лора спустилась обратно в подвал, она уже успела прийти в себя. Пока она топталась в этой сутолоке, забирала рюкзак и свой сегодняшний заработок у Фрэнки, Майлза нигде не было видно. Вполуха слушая информацию о том, где состоятся бои на следующей неделе, она пересчитывала деньги, чтобы убедиться, что ее не надули. И все это время пыталась не обращать внимания на бесшумный стук сердца.

«Он что-то ищет, и я не знаю, связано ли это с тобой».

По телу пробежала крупная дрожь. Лора тряхнула головой, выбрасывая из памяти голос и лицо Кастора, чтобы подготовиться к тому, что должно произойти.

Майлз ждал снаружи. Лоре потребовалось на сборы совсем немного времени, но он успел запыхаться – потому ли, что бегал вверх-вниз по крутой лестнице, или потому, что уже не раз повторил заготовленную речь, а, может быть, и от того, и от другого. Когда Лора вышла на улицу, Майлз застыл и сделал вид, будто все это время залипал в телефоне.

– Не хочешь перекусить «У Марты»?

Такого вопроса Лора не ожидала. И вообще, сейчас она хотела только одного: пойти домой, принять душ и проспать следующие шесть дней, пока отвратительная охота не подойдет к концу и не начнется следующий семилетний цикл. Но

присутствие Майлза действовало на нее успокаивающе.

– Давай, – с наигранной беззаботностью кивнула Лора. Она все еще чувствовала, как на ее коже вспыхивают молнии. – Звучит неплохо.

Майлз вопросительно посмотрел на нее:

– Сегодня точно платишь ты.

– Неужели? – Лора позволила себе погрузиться в комфортное тепло их отношений. – А может, мне похлопать ресницами и поесть вообще бесплатно?

– Скажи, за всю твою жизнь, – начал Майлз, и похоже этот вопрос его действительно интересовал, – у тебя это хоть раз получилось?

– Что-что?! – прищурилась Лора. – Я очаровательна и неотразима.

Она кокетливо заморгала, но опухшее лицо вряд ли добавляло ей очарования. Кроме того оно по-настоящему болело от полученных ударов.

Майлз хотел сказать что-то еще, но передумал.

– Что? – спросила она.

– Все нормально. – Майлз посмотрел на затянутое облаками небо. – Кажется, стоит прибавить шагу, или попадем под душ, который нужен только одному из нас.

Влажный воздух был пропитан вонью из мусорных мешков, ожидавших уборщиков, которые заберут их утром. Мимо пронеслось такси, подняв волну сточных вод. Уже несколько дней шли дожди, и Лора знала, что это надолго.

– Я благоухаю самыми изысканными ароматами «ло-мейн» и пота, – парировала Лора. – О вкусах не спорят, и ты бы уж помалкивал.

Тут она, конечно, перегнула. Майлз относился к своему телу как к произведению искусства. Именно тело, а не он сам, сообщало окружающим о том, какое у Майлза настроение, рассказывало о его интересах и близких людях. Его кожу украшало множество татуировок: от удивительных цветов и виноградной лозы, обвивающих его торс, до его собственных абстрактных рисунков – изображений горных вершин, глаз и лент всевозможных форм, – значение которых было известно только ему. Самой любимой тату Лоры была простая, набитая хангылем¹³ на шее – за ней стояла особая история. Эти слова повторяла ему бабушка каждый раз, когда Майлз по воскресеньям звонил родителям во Флориду: «С каждым восходом солнца я люблю тебя все больше». Когда он показал ей татуировку, бабушка, конечно, отругала внука и даже сделала вид, что пытается стереть ее пальцем, но весь вечер светилась от гордости.

Они дошли до станции подземки «Канал-стрит», чтобы сесть на поезд линии «А» и доехать до 125-й улицы. Лора уже преодолела половину лестницы, когда раздался шум приближающегося поезда и по вестибюлю пронесся порыв

¹³ Фонематическое письмо корейского языка. Его отличительной особенностью является то, что буквы объединяются в группы, примерно соответствующие словам.

воздуха, предшествующий появлению состава. Она побежала, на ходу вытаскивая из заднего кармана проездной, приложила его к турникету. Майлз, у которого все всегда терялось, застонал, роясь в своем бумажнике.

– Стой! Вот дерьмо... – Майлз снова и снова прикладывал карточку к ридеру, но турникет не открывался.

В половине четвертого утра поезда ходили с увеличенными интервалами, и вагон был полон. Лора удержала закрывающуюся дверь рукой в ту самую секунду, когда Майлз уже нырял внутрь. Поезд рывком тронулся с места, и Майлз благодарно хлопнул ее по плечу.

– К «Марте», – сказала она. – Хочу есть.

– Такси? – заметил Майлз. – Это удобнее.

– Деньги, – возразила Лора. – На ветер.

На «Коламбус-Серкл» вагон опустел, и прямо перед ними освободились места. Майлз плюхнулся на сиденье и сразу же вытащил телефон. Лора глубоко вздохнула, потирая рукой лоб. Тело наконец могло расслабиться, но в голове царил хаос.

«Он что-то ищет, и я не знаю, связано ли это с тобой».

Охотники в городе. От одного этого было не по себе. Лора знала, что ей следует опасаться Аристоса Кадму – или какое он там божественное имя сейчас носит. Нельзя допустить, чтобы он ее нашел. Поэтому она собиралась рвануть из этого города – подальше от предстоящих сражений и от него самого. От всего, что с этим связано.

Но среди бушевавших в ней эмоций преобладал вовсе не страх. Лора знала, что сможет спрятаться – последние три года ей это отлично удавалось. Ее терзала тревога, от которой она не могла избавиться, сердце сжималось всякий раз, когда перед глазами всплывало лицо Кастора.

«Он жив!» – думала она, все еще ошеломленная этой новостью.

Майлз испуганно вскрикнул, и Лора повернулась к нему как раз в тот момент, когда он закрывал одно из своих приложений для знакомств.

– И как тебе тот парень, с которым ты встречался в пятницу? – поинтересовалась Лора, радуясь возможности отвлечься. – Мне показалось, что он вполне ничего. Как его зовут? Ник?

– Ной, – поправил ее Майлз, закрывая глаза и делая глубокий вдох, как будто набираясь уверенности. – Я проводил его до квартиры и познакомился там со всеми его четырьмя хомяками.

Лора уставилась на приятеля:

– Да ну!

– Он назвал их в честь своих любимых Первых леди¹⁴, – страдальчески продолжил Майлз. – У Джеки была шляпа-таблетка из фетра, и когти накрашены лаком. Он заставил меня их кормить крошечными полосками салата. *Латука*, Лора. Салата-латука.

¹⁴ Имеются в виду жены президентов США, в т. ч. Жаклин (Джеки) Кеннеди.

– Умоляю, хватит, – остановила его Лора. – Знаешь, тебе не мешало бы отдохнуть от свиданий.

– А ты как раз могла бы *попробовать*, – заметил он, неловко заерзав на сиденье. – Я не говорил тебе об этом раньше, потому что не хотел совать нос не в свое дело.

– *Но?*.. – вставила Лора.

– Но... – протянул Майлз. – Тот парень и то, как ты на него отреагировала...

Лора крепче вцепилась в ремешок сумочки.

– А как я должна была реагировать, когда он на меня полез?! – возмутилась она. – Придурок заслужил, чтобы ему перекроили физиономию. Может, теперь он задумается, прежде чем так поступать с девушками.

– О, нет, *этот* определенно заслужил, – поспешил добавить Майлз. – Нужно было отлупить его посильнее. Но я говорил о другом парне.

– О другом, – повторила за ним Лора.

– Да, тот парень выглядел так, словно вылеплен из всех моих мальчишеских фантазий, – охотно пояснил Майлз.

Теплый голос Кастора снова зазвучал у нее в голове: «Ты все еще сражаешься как Фурия».

– И что насчет него? – спросила Лора, выныривая их собственных мыслей.

– Мне показалось, что ты его знаешь, – предположил Майлз.

– Не знаю, – бросила она резко. *Уже нет.*

Чтобы пресечь дальнейшие расспросы, Лора положила голову Майлзу на плечо. Вагон плавно покачивался, это успокаивало. Вскоре она наконец-то смогла вздохнуть полной грудью.

Поезд мчался дальше, к 125-й улице, держась обычного ритма: рывок, остановка. Но Лора слишком боялась закрыть глаза, потому что лицо Кастора, светлое и полное надежды, непременно возникло бы перед ней, увлекая в воспоминания о мире, который она оставила позади.

* * *

Когда они наконец вышли из подземки и повернули в сторону закусочной «У Марты», верхний Манхэттен встретил их тишиной.

Когда три года назад Лора переехала на 120-ю улицу, в уютный браунстоун¹⁵, принадлежавший Гилберту, Гарлем показался ей чужой страной. Семья Лоры всегда жила в районе Адской кухни¹⁶, и причин соваться севернее 96-й улицы

¹⁵ Каменные дома от трех до пяти этажей конца XIX – начала XX вв., разнообразие таунхауса. *Brownstone* переводится как коричневый камень, хотя дома могут быть выкрашены в разные цвета.

¹⁶ Район Манхэттена, также известный как Клинтон, расположенный между 34-й и 59-й улицами, от 8-й авеню до реки Гудзон. Свое название район получил из-за высокого уровня преступности и считался криминальным центром Нью-Йорка в середине 1800-х – конце 1980-х гг. Сейчас это средоточие театральных площадок, модных ресторанов и дорогого жилья.

у нее никогда не было. Однако со дня гибели семьи уже прошло четыре года, и большую часть этого времени Лора прожила за границей. Три года назад она ходила по городу, испытывая странное чувство – будто пытаешься влезть в свою же старую одежду, которую после тебя носил кто-то другой. И ей эти тряпки больше не подходили. Вроде все то же, но при этом уже не твое.

Однако те три года, что Лора провела здесь, были лучшими, пока полгода назад не умер Гил – переходил улицу и его сбил автомобиль. Первым порывом Лоры было уехать отсюда, но выяснилось, что Гилберт оставил ей дом со всем содержимым. И просто все бросить не вышло.

С другой стороны, этот дом легко можно было бы продать и рвануть куда глаза глядят. Майлз точно согласился бы, даже если ему самому некуда было бы ехать. Но всякий раз, когда Лора всерьез задумывалась об этом, улицы, казалось, притягивали ее и не отпускали: знакомые витрины магазинов, дети, играющие на соседском крыльце, миссис Маркс с ее привычкой каждый понедельник в десять утра мыть из шланга пешеходную дорожку перед домом... Все это успокаивало. И непомерный груз потрясения и горя уже не казался непосильным, грозившим раздавить.

И Лора осталась. Этот суетливый муравейник, в котором проблемы только множились, и она подчас выбивалась из сил, решая их, – этот город всегда был ее домом со своим непростым характером. И она была благодарна ему за то, что

он воспитал характер и в ней самой. В самые мрачные моменты жизни только эта стойкость и спасала ее.

А еще Лоре казалось, что новый район сам ее выбрал, а не наоборот. Ей так хотелось ощущать свою принадлежность к чему-то. И Нью-Йорк действительно был на это способен. Последнее слово всегда оставалось за ним, а того, кто проявлял достаточно терпения, он всегда приводил туда, куда нужно.

Было четыре часа утра, но Лора нисколько не удивилась, когда увидела, что кто-то еще наслаждается трапезой «У Марты» даже в такой мертвый месяц, каким всегда считался август.

– Привет, мистер Эррера! – крикнула она, вытирая ноги о старый коврик.

– Привет тебе, Лорен Перто, – откликнулся тот, откусывая громадный кусок сэндвича.

Лора уже много лет жила под этим именем, но, произнесенное вслух, оно все еще заставляло ее врасплох.

– Как ты, Мэл?

– Под дождь не попала – уже хорошо, – откликнулась Мэл из-за стойки, оторвавшись от своей бухгалтерии. – Вам обоим как обычно?

– Да, мы жертвы привычки, – подтвердил Майлз. – Есть что-нибудь без кофеина?

– Заварю тебе в отдельном кофейнике, – кивнула Мэл. – Взбитые сливки?

– С шоколадной крошкой? – с надеждой спросил он. Судя по вкусовым предпочтениям, Майлз так и не повзрослел – он заказывал десерт после каждого завтрака, обеда и ужина.

– Конечно, милый. – Мэл нырнула в кухню и начала готовить заказ: «Тройная тарелка лесоруба» для Лоры и оладьи с шоколадной крошкой, двойной порцией взбитых сливок и кленовым сиропом для Майлза.

– Что? – удивился Майлз. – И никаких комментариев? Никаких шуток по поводу потребления сахара?

До Лоры не сразу дошло, что он обращается к ней. Все это время она сидела, уставившись в пол.

– У меня заболит живот уже от того, что мне придется на это смотреть. – Лора откинулась на обтянутую винилом стену кабинки. Пульс подскочил, как будто ее застучали за чем-то мерзким.

Майлз пристально посмотрел на нее, но голос его звучал по-прежнему беззаботно:

– И это говорит мне тот, кто ест за троих?

– Здоровый аппетит, – вмешался в разговор мистер Эррера, оплачивая счет, – здоровая девочка.

– Вот именно, – подхватила Лора, с радостью переключаясь на другую тему. – Как поживает мой Красавчик Бо?

Бо, уличный кот, прибился к ним два года назад, заявил свои права на лавочку мистера Эрреры, и теперь чувствовал себя там полноправным хозяином. При первой встрече Лора приняла кота за огромную крысу и всерьез испугалась: не

вырвалась ли эта зверюга из преисподней? А теперь поздним воскресным утром Лору можно было увидеть на скамейке у магазина, где она делилась лососем из круассана со своим своенравным приятелем.

– Он съел двенадцать шоколадных батончиков, его стошнило прямо на продукты, а потом он обрушил полку с бумажными полотенцами, – пожаловался мистер Эррера, направляясь к двери. – Теперь придется тащить этого демона к ветеринару.

– Хотите, я присмотрю за магазином, пока вас не будет? – предложила Лора.

Она всегда делала это с удовольствием. Особенно ей нравилось затишье после утреннего часа пик, когда клиенты приходили за кофе, – она могла спокойно посидеть с книжкой, пока не настанет время ланча и не нагрянут покупатели, чтобы уничтожить запасы готовых сэндвичей и суши.

– В этот раз не нужно. Мой племянник здесь. Не хочешь познакомиться? Он на год младше тебя, умный мальчик...

– А он умеет стирать? – с озабоченным видом уточнил Майлз. – Или готовить? Лоре нужен тот, кто восполнит пробелы в ее жизненных навыках.

Мистер Эррера расхохотался и, махнув рукой, пошел открывать лавку. Лора и сама не понимала, зачем предложила помощь, зная, что, скорее всего, сегодня же уедет из города. Появление Кастора и это его предупреждение... Она должна исчезнуть немедленно, должна бросить все.

Поежившись, Лора потеряла руки в тех местах, где их сжимал Кастор, и с удивлением обнаружила, что несмотря на то, что ее бил озноб, кожа там оставалась теплой. Она просто не была готова... увидеть *его*. Во плоти. Его знакомый ласковый взгляд. Его рост. Его невероятная сила. То, как он улыбнулся ей.

– Лора... – позвал ее Майлз и повторил, уже настойчиво: –
Лора.

Она снова подняла глаза.

– Что?

– Я спросил: это из-за денег?

Лора в замешательстве уставилась на него.

– Что из-за денег?

Майлз смотрел ей прямо в глаза.

– Если это так, я могу платить тебе за аренду. Но я думал, Гилберт оставил тебе и деньги?..

Гилберт, воплощение исключительной, иногда чрезмерной доброты, обожал сюрпризы. И остался верен себе даже после смерти, оставив обоим своим «почетным внукам» щедрую сумму денег. Но Лора к ним так и не притронулась; взяла немного на обслуживание дома, и все. Ей казалось неправильным использовать эти средства для чего-то другого.

– Это деньги Гила, – напомнила Лора.

Майлз понял намек.

– Ну, ты могла бы стать бариста на неполный рабочий день, как все делают. Что-то вроде обряда перехода к взрос-

лой жизни. А еще ты могла бы давать платные уроки самообороны.

Лора покачала головой, пытаясь распутать клубок чувств и мыслей и вытянуть из него нить их беседы.

– Я не собираюсь брать деньги с тех, кто хочет научиться защищать себя, – сказала Лора, понизив голос. Хозяин спортзала на 125-й улице разрешил ей пользоваться его тренажерами, когда бегать на улице становилось слишком холодно, в обмен на бесплатные уроки, и этого было более чем достаточно. – И дело не в деньгах.

– Точно? Весь последний год ты постоянно используешь одни и те же три грязных «зиплока»¹⁷, – заметил Майлз.

Лора подняла палец.

– Они не грязные, потому что я мою их каждый раз. А что *ты* делаешь для защиты окружающей среды?

Брови Майлза поползли выше. Он изучал курс «Устойчивое развитие городов» в Колумбийском университете, и летом как раз проходил стажировку в городском совете.

– Можешь не отвечать, – бросила Лора. Она терпеть не могла, когда Майлз слушал ее с выражением подчеркнутого сострадания и глубокого понимания на лице. – К тому же, – добавила она, – у меня есть работа. Я же комендант, ты не забыл?

Сначала Гилберт нанял Лору в качестве сиделки с проживанием, но когда она поменяла батарейки в детекторе дыма,

¹⁷ Полиэтиленовые пакеты с застежкой-«молнией».

ее функции расширились, что красноречиво свидетельствовало о его уровне технических знаний.

– Кстати, *комендант*, может, до наступления зимы найдешь время починить окно в моей комнате?

Лора нахмурилась, приглаживая копну кудрей, в которые дождь превратил ее волосы.

– Ладно, дело и в деньгах, – призналась она, – но и в других вещах тоже.

– Это связано с Гилом? – напирал Майлз.

Лора вытащила из кармана порванную цепочку и стала разглядывать ее. Без этого украшения шея казалась чужой. Лора получила этот подарок от Гилберта три года назад, на свой первый день рождения после возвращения в Нью-Йорк, и с тех пор ни разу не снимала.

«Перо, упавшее с крыла, не потеряно, – сказал ей тогда Гил, – оно свободно».

Украшение каждый день напоминало ей о том, что она обрела, получив эту работу. Лора должна была ухаживать за Гилбертом, после того, как тот упал и сильно покалечился, и стало ясно, что один он больше жить не может. Но Гилберт сделал для нее неизмеримо больше. Он стал другом, наставником и постоянным напоминанием о том, что не все мужчины так суровы и жестоки, как те, среди которых Лора выросла.

– Прошло уже несколько месяцев... – начал Майлз.

– Шесть, – оборвала его Лора.

– Шесть, – кивнул Майлз. – Вообще-то, мы не так часто говорим об этом... – Лора хотела возразить, но он остановил ее жестом. – Я лишь хочу сказать, что я здесь, рядом, и всегда готов поговорить о нем.

– Ну, а я нет, – ответила Лора.

Гилберт как-то сказал, что бывают ситуации, когда нужно отталкивать от себя все плохое, пока оно не оставит тебя в покое навсегда. Когда-нибудь она перестанет чувствовать такую боль от потерь.

– Знаешь... – В голосе Майлза зазвучали знакомые интонации.

– Учиться я не собираюсь, – напомнила она ему в сотый раз. – Похоже, и тебе учеба не особо нравится.

– То, что тебе *нужно*, необязательно должно тебе *нравиться*, – заметил Майлз.

– Необязательно заниматься тем, что тебе не нравится, – парировала Лора.

Майлз разочарованно вздохнул.

– Просто я считаю... что бы с тобой ни случилось, ты должна думать о будущем. Иначе прошлое будет висеть на тебе цепями.

Лора сглотнула, но не смогла избавиться от комка в горле.

– Как ты вообще узнал об этих боях? Ты что, следил за мной?..

– Накануне вечером я встречался с школьным другом, и он завел разговор о каком-то суперсекретном ринге, где

творится полное безумие, и упомянул о девушке со шрамом на щеке, от глаза до подбородка. И я сказал: «Вау! Похоже, это моя подруга Лора...».

Лора инстинктивно потерлась щекой о плечо. Тонкий шрам за эти годы так и не исчез.

– Надеюсь, это не тот парень, которого я побила? – уточнила она.

– Нет, но, *ох*, это было потрясающе... и в то же время пугающе. Никогда в жизни не переживал ничего подобного, – признался Майлз.

Его телефон пронзительно зазвонил, и они оба вздрогнули.

– Это что, будильник? – спросила Лора, прижимая руку к груди. Они много лет жили в одном доме, но такие жуткие звуки еще не терзали ее уши.

– Вроде того, – хмыкнул Майлз, а затем ответил на звонок: – Мам, ты чего вскочила в такую рань? Сейчас, вообще-то, четыре утра... Тебе *не нужно* распечатывать эти формы сейчас. Напиши себе записку, чтобы сделать это в нормальное время... Нет, *ты* возвращаешься в постель... Ну, если бы я спал, ты бы меня уже разбудила... *Мам*. Иди, ложись!

Приглушенная речь миссис Юн звучала так энергично, словно эта беседа происходила не в несусветную рань. Лора наблюдала за тем, как Майлз закрыл глаза и сделал вдох, набираясь терпения.

– Угу. Хорошо. Ты проверила все провода, верно? – спросил он. – Убедилась, что они не отсоединились?

Майлз бросил на Лору виноватый взгляд, но разве она была против? Это было так мило. Воспользовавшись паузой, она попыталась представить себе детство этого маленького гота среди пальм и буйства красок Флориды. Майлз рос единственным ребенком в семье, и у этого были... последствия. Например, *вот такие*.

Майлз снова глубоко вздохнул.

– Ты точно включила принтер? Кнопка должна светиться. В ответ раздался смущенный смех миссис Юн и ее любящее:

– Спасибо, Майкл.

Майлз нервно прижал руку ко лбу. Интересно, что так вывело его из себя? Имя, которым его называли только родные, или звонок в четыре утра? Потом он по-корейски и по-английски сказал маме, что любит ее, и нажал отбой.

– Когда я в прошлом месяце ездил домой, мама поменяла рингтон, – объяснил Майлз. – Решила, что я не отвечаю на ее звонки, потому что прежний был слишком тихий.

Лора улыбнулась, хотя ее сердце сжалось. По таким звонкам начинаешь скучать, только когда они прекращаются.

– Ей просто хочется услышать твой голос.

«Она хочет, чтобы ты ее не забывал», – подумала Лора. Ее мысли заметались, она больше не могла их контролировать. Мир вокруг погрузился во мрак, и лицо Кастора в пляшущих

тенях осталось единственным, что она видела.

– Эй! – Голос Майлза проник в ее видения. – С тобой все в порядке?

– Все просто отлично, – заверила Лора.

Она будет в порядке. Ради него. Ради себя. Ради Гилберта.

– Ну что, выдвигаемся? – спросила она, когда Мэл вернулась с кухни с их заказами.

– Обещай, что с тобой ничего не случится! – Майлз поймал Лору за руку, прежде чем она успела ее отдернуть. – Неважно, зачем тебе нужны эти бои, я просто не хочу, чтобы ты пострадала.

«Слишком поздно», – подумала Лора.

* * *

Они вынырнули обратно в тусклый уличный свет, сжимая в руках пакеты с завтраком и кофе. Гроза закончилась, но воздух был еще влажным. Нью-Йорк – одно из немногих мест в мире, которое после дождя выглядит еще грязнее, но Лоре это нравилось.

По дороге домой она решила, что предупредит Майлза о том, что планирует уехать на несколько дней. Возможно придется пересаживаться с автобуса на автобус и ночевать в лесу, где никто не сможет ее найти...

Но в тот момент ее манила постель. Они брели по своей сонной улице, Лора взяла Майлза под руку. Тот мурлыкал

незнакомую мелодию, которая отвлекла Лору и позволила ни о чем не думать. Они были всего в квартале от дома, когда Майлз вдруг застыл и резко потянул ее назад.

– Что? – дернулась Лора.

Они стояли у магазина «Деликатесы Мартина» – Лору перестали туда пускать после того, как она пожаловалась на их позорно несвежие бейглы. Майлз не сводил глаз со стены, потом наклонился и провел пальцами по темному пятну на ней. Лора в ужасе оттащила его от стены.

– Не пора ли освежить в памяти правила жизни в Нью-Йорке? Первое – не брать ничего из того, что пытаются всучить на Таймс-сквер; второе – не прикасаться к таинственным веществам на земле и стенах...

– Кажется, это кровь, – перебил ее Майлз.

Рука Лоры разжалась.

Майлз завертелся на месте, осматривая тротуар.

– Ничего себе. Да она тут повсюду...

Так оно и было. Поначалу Лора приняла брызги на асфальте за капли дождя, но теперь, когда с небес снова обрушились потоки воды, ясно увидела, как в канаву по желобу стекает темная кровь.

Майлз рванулся вперед, озираясь по сторонам в поисках истекающего кровью человека. Схватив его за рубашку, Лора заставила друга притормозить, сунула ему свой пакет с едой и кофе, и вытащила из кармана складной нож, который всегда носила на цепочке с ключами.

– Держись позади меня, – приказала она.

Они словно выслеживали раненого зверя. Похоже, человек шел, шатаясь и опираясь то на уличный фонарь, то на перила, то на припаркованную машину. Лора с нарастающим ужасом поняла, что они направляются в сторону своего дома.

Когда они почти подошли к нему, Лора крепче сжала нож в руке. Кровавая дорожка вела к их двери и веселым цветочным горшкам, которые Гилберт расставил на ступеньках.

Майлз ахнул, и Лора проследила за его взглядом. Привалившись к крыльцу, возле пустых мусорных баков сидела женщина. Ее небесно-голубые одежды промокли от дождя. Лора почувствовала, как воздух начинает сгущаться, как перед ударом молнии.

– Покажи свои руки, – выдавила Лора, поднимая свой жалкий клинок.

Глаза богини были цвета жертвенного дыма, в радужках светились золотые искорки, похожие на тлеющие угольки – единственный признак угасающей божественной силы.

Ее называли сероглазой богиней, но теперь Лора понимала, что это не из-за цвета глаз – когда богиня пристально смотрела на кого-то, как сейчас на Лору, открывался ее истинный возраст. Войны, цивилизации, монстры, смерть, технологии, открытия – эти глаза наблюдали за мелькающими тысячелетиями, отмечая их так же, как Лора, не задумываясь, отмечала еще один прошедший час.

Пряди темно-золотых волос рассыпались по лицу богини. Но даже сейчас, когда она оказалась в таком ужасном положении, ее открытое и смелое лицо, совершенное в своей симметрии, выглядело безупречно.

Богиня с трудом выпрямилась, убирая ладонь с того места на бедре, которое она зажимала. Рука упала на колени, длинные изящные пальцы изогнулись, словно когти. Ладонь была пуста, но выпачкана кровью.

Глядя на богиню, Лора и сама опустила руку с ножом.

Богиня наклонилась вперед, и из раны в ее боку хлынула горячая кровь. В ноздри ударил металлический запах. Рана слишком широкая для стрелы или пули, с рваными краями. Значит, клинок. Рассуждая логично и хладнокровно, Лора постоянно ловила себя на мысли, что происходящее ей только снится.

– Похоже, кто-то тебя вычислил, – произнесла она сдавленным голосом. – Не повезло с приземлением?

– *Помоги мне.*

Лора вздрогнула. Смерть подступила совсем близко, но каждое слово богини звучало, как удар меча о щит. Эти звуки мощной волной прокатились по телу Лоры, и каждый волосок на ее теле встал дыбом. Она так давно не слышала чистого древнего языка, что даже не сразу поняла сказанное.

Когда же смысл наконец дошел до нее, Лора смогла лишь тихо прошептать:

– Что ты сказала?

Взгляд богини стал рассеянным, стальная твердость уходила из него. Она снова прижала руку к ране, но теперь в ее лице не было страха, только горькое недоумение. Она опять заговорила. Слова давались ей с трудом, но приказ эхом отозвался в душе Лоры.

– Позаботься... обо мне... смертной.

Сероглазая Афина рухнула на землю и потеряла сознание.

– *О боже!*

Испуганный вопль Майлза вывел Лору из оцепенения. Когда она повернулась к нему, на его лице уже лежал отсвет мобильного телефона. Дрожащими руками Майлз набирал номер.

Лора вырвала телефон у него из рук и успела нажать отбой.

– Что ты делаешь?! – закричал он. – Ей нужна помощь! Мэм?! Мэм, вы меня слышите?

– Прекрати! – остановила его Лора. – И говори тише!

– Ты ее знаешь? – Майлз казался обезумевшим. Еще немного, и он вцепится себе в лицо. – О нет, кровь!.. Я просто... – Он начал давиться и кашлять в кулак.

Пытаясь найти объяснение, Лора выпалила первое, что пришло на ум:

– Я... да, я ее знаю. Она... она тоже боец.

– Ей нужно... – Майлз снова закашлялся. – Извини... Я просто... В больницу! Ей нужно в больницу. И надо сообщить в полицию.

Лора выругалась. Ее мозг лихорадочно перебирал варианты. Если отвезти Афины в больницу, полиция захочет допросить ее, Лору. Ее имя и, возможно, фотография попадут в систему. А кланы всегда отправляют как минимум пару

охотников дежурить в приемном покое. Кто-нибудь наберет 911, и богиню доставят прямо к ним в лапы. Но, вообще-то, Афина уже и так наследила, ее запах и кровь приведут ищек в убежище Лоры. Майлз тоже может пострадать, а ведь он вообще ни при чем... Эта мысль, наконец, и вывела Лору из оцепенения. Заставила действовать.

Она прижала пальцы к шее богини, чтобы проверить пульс. Божественный ихор пока оставался красным, как человеческая кровь, и скапливался вокруг кроссовок Лоры. «Вот дерьмо», – подумала она, впервые за много лет чувствуя беспомощность. Придется спрятать Афину в доме. И как можно скорее.

– Никакой полиции! – выпалила Лора. – Она... у нее нет страховки. – Лора надеялась, что теперь Майлз перестанет задавать вопросы. – Можешь отпереть дверь и помочь мне занести ее внутрь?

Лора попыталась подsunуть руку под шею Афины. Даже в образе смертного богиня была почти двух метров ростом. От дождя и крови ее тело стало мокрым и скользким. Они с трудом втащили ее в холл и уложили на черно-белую плитку пола. Оставив Майлза с Афиной, Лора помчалась наверх, достала из бельевого шкафа темные простыни и полотенца и сбросила их вниз.

Спустившись обратно в холл, Лора захлопнула ставни эркерного окна, превращая помещение в крепость, а Майлз включил свет.

В экране телевизора, висевшего над камином, все отражалось как в черном зеркале: Лора отодвинула в сторону кофейный столик, Майлз расстелил простыни, и Лору вдруг пронзила мысль, что она схватила белье, которое принадлежало Гилберту.

– Что происходит?! – восклицал Майлз, когда они переместили тело богини на простыни. – Лора, я серьезно, что, черт возьми, происходит?

Богиня застонала. Взгляд Лоры метнулся в сторону парадной двери: порог и пол были вымазаны кровью. Похоже, у них еще одна очень большая проблема.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, – быстро проговорила Лора, опускаясь на колени возле Афины. – Сходи к мистеру Эррере и попроси у него отбеливатель. Возьми как можно больше, сколько есть... Постой. Нужен не обычный отбеливатель, а кислородный, если только у него такой есть.

– Кислородный... что? – растерянно переспросил Майлз.

– Кислородный отбеливатель, все, что у него есть, – медленно повторила Лора. – Скажи, чтобы записал на мой счет.

– А что, в магазинах записывают на счет? – удивился Майлз.

– Иди. – Лора указала ему на дверь. – И поторопись.

Майлз выглядел настолько ошарашенным, что даже не стал возражать. Снова закашлявшись, он перепрыгнул через лужу крови, и дверь за ним захлопнулась.

Привычные запахи лаванды и дерева, наполнявшие дом,

растворились в горячем зловонии крови. Лора перевернула богиню на спину, разорвала тунику, чтобы увидеть рану, и кровь залила ее пальцы.

– Проклятье, – прошептала она, чувствуя, как сводит живот.

Печень и почка были проколоты. Знакомый почерк: такие профессиональные раны наносили *леайны*¹⁸ – молодые женщины, которых посылали охотиться на богов. Раненую добычу они доставляли главе клана, и тот добивал жертву.

Лора прижала к ране полотенце, пытаясь остановить поток крови.

– Очнись. Очнись!

Глаза Афины под опущенными веками закатились. Делать было нечего, и Лора вlepила богине пощечину. Серые глаза распахнулись и заморгали.

– Я бы извинилась, – пробормотала Лора. – Но ты это заслужила.

Воздух в легких внезапно стал обжигающим. Лору поразило страх, который она вдруг почувствовала, и вспышка сожаления в тот момент, когда она ударила богиню. Искры власти полыхнули во взгляде Афины, и ненависть к старым богам, которую в Лоре воспитывали годами, вдруг угасла совсем.

¹⁸ Leaina – в переводе с греческого означает «львица». Предположительно реально существовавший исторический персонаж, гетера, афинянка, которая предпочла смерть предательству, откусив себе язык перед пытками. В честь нее на Акрополе была установлена статуя львицы без языка.

Можно сколько угодно убеждать себя в том, что перед тобой жертва, пока она не повернется к тебе и не покажет зубы.

Богиня зашлась влажным кашлем, ее голова перекатывалась из стороны в сторону. Даже когда она была в смертном обличье, в ней проступало нечто отстраненное, чужеродное. Тело казалось уродливым сосудом. Изваянным для того, чтобы быть разрушенным.

Лора прижала руки к коленям, пытаясь унять непроизвольную дрожь. Она бы не стала убивать богиню. Ей не нужна божественная сила. Она вообще хотела оставаться как можно дальше от всего этого.

– Плохо тебе, да? – спросила Лора. Дикое безрассудство вдруг вытеснило в ней страх. – Чертова смертность. Какой облом. Рискну спросить, кто это тебя так?

Подготовка к этому финалу заняла более тысячи лет. Афина пережила двести одиннадцать циклов Агона, но двести двенадцатый стал для нее последним. Ее медовая кожа побледнела – смерть неумолимо забирала свое. Афина, Гермес, Артемида и, может быть, Аполлон – последние из изначальных богов, на которых шла охота во время Агона. Афина была недостижимой мишенью. Слишком сильная, слишком быстрая, слишком умная.

До этого момента.

Они изучали друг друга. Если Афина пыталась оценить достоинства Лоры, ее силу, то Лора сразу сказала бы ей, что это уже никого не должно волновать. Она могла объяснить

это, используя немало красивых слов, чтобы польстить богине, потакая ее тщеславию и гордости, но не стала напрягаться.

– Я вышла из игры. И не позволю тебе или кому-либо еще втянуть меня обратно.

Богиня пристально смотрела на нее, суровая линия ее рта застыла. Лора ничего другого и не ожидала – Афины не согнуть, она, как клинок, будет держаться до последнего или сломается.

– Я знаю, что ты говоришь на этом языке, – сказала Лора, отказывая богине и в этом.

Древний язык был смесью многих древних диалектов, которые позже превратились в современный греческий. Однако Афина изъяснялась на идеальном, изначальном наречии.

– С какой бы целью ты не явилась, здесь тебе искать нечего, – снова заговорила Лора. – Если это уловка, и тобою движет жажда мести, ты опоздала. Все остальные, кто носил то же имя, мертвы. Я – последняя из Персеидов. Дом Персея канул в Лету.

Выражение лица Афины подсказало Лоре, что богине известно, кто она такая. И в этот момент Лора по-настоящему испугалась. Она давно перестала верить в богинь судьбы¹⁹, как и старухам, которые продолжали им поклоняться. Но все происходящее не тянуло на простое совпадение, особенно

¹⁹ В древнегреческой мифологии три богини Мойры определяли судьбу человека. Даже боги были не властны над их решениями.

после предупреждения Кастора.

Позаботься обо мне, сказала богиня. Помоги мне.

– Ты нашла меня. – Лора была довольна, что ее голос не дрожит. – Скажи, чего ты хочешь, и побыстрее. Знаю, это непросто, но твое время подходит к концу, а в мои планы на это утро не входит игра в гляделки с божеством. Может, начнем с главного: кто пытался тебя убить?

Афина посмотрела ей прямо в глаза.

– Моя сестра, – слабым голосом выговорила она.

Лора похолодела от ужаса.

– Артемида?!

Богиня нахмурилась. Другая ее сестра, Афродита, была убита сто лет назад, и родился новый бог, наделенный ее силами. Он продержался всего один семилетний цикл и был убит охотником. Такие вот состязания, а в качестве эстафетной палочки – с бессмертная сила, переходящая от клана к клану.

– Я думала, вы всегда держались вместе, – недоумевала Лора. – Что случилось с вашим маленьким, но забавным альянсом, который всех держал в страхе?

– Она... обратилась против меня. – Афина снова прижала ладонь к ране. – Меня предали. Самозванец Арес... он... пришел за мной... после Пробуждения. Артемида подставила меня, сама сбежала.

– Жестоко, – заметила Лора, оценив изобретательность ее сестры. – Даже для нее.

– Альянсы рождаются из нужды... разрываются из-за страха... – Богиня с трудом подбирала слова. – Сейчас... нужна... защита. Пока я... не исцелюсь. Свяжи свою судьбу... с моей.

Свяжи свою судьбу с моей. Лора содрогнулась.

– С чего бы я стала это делать, – фыркнула Лора, – если могу просто сидеть и смотреть, как ты умираешь?

Несмотря на временную потерю бессмертия, боги сохранили частицу своей мощи, чтобы защитить себя. На пике расцвета их истинные силы безграничны, а то, чем они владели, оказавшись в человеческом теле, было жалкой пародией на былое могущество. И, что еще хуже, только Аполлон вроде бы сохранил дар исцеления себя и других. Афина, возможно, превосходила физической силой остальных восьмерых богов в Агоне и по-прежнему могла стирать целые здания с лица земли, но сейчас это ей ничем не помогало.

На крыльце послышались быстрые шаги Майлза. Лора вскочила, бросив на богиню тяжелый взгляд. Афина напряглась от такой дерзости.

– Когда он войдет, ни слова, – предупредила ее Лора. – Притворись, что спишь.

– Не оставляй меня, – слабым голосом произнесла Афина. – Я запрещаю.

– Хорошо, а я запрещаю тебе умирать прямо сейчас, – отрезала Лора, и ее сердце забилося сильнее. – Нужно все убрать, пока ищейки не учуяли твой след и не привели сюда

ОХОТНИКОВ.

Взгляд Афины блеснул.

«Черт», – с тоской подумала Лора. Даже истекая кровью, теряя сознание, богиня никогда бы не упустила такую важную стратегическую деталь, если бы не находилась в абсолютно отчаянном положении.

Дверь распахнулась.

– Я принес!

Ноздри богини раздулись, но она послушно закрыла глаза.

– Спасибо. – Лора поблагодарила Майлза. – А теперь иди наверх и ложись спать.

– Э-э... что? – удивился Майлз, намереваясь выйти за ней обратно на улицу. – Что ты собираешься делать?

– Отмыть крыльцо и все вокруг, пока кто-нибудь не заметил кровь и не вызвал полицию, – объяснила Лора. – Иди к себе.

Майлз покосился на распростертую на полу Афины.

– Слушай меня, – процедила Лора стальным голосом. Майлз вздрогнул, но ей было не до сантиментов. Ее друг понятия не имел, во что его втянули. – Иди наверх. Не открывай дверь. Если заметишь снаружи кого-нибудь подозрительного, позвони мне.

Не собираясь больше тратить драгоценное время на объяснения и поток новых вопросов или возражений, Лора молча открыла дверь. Сбежав по ступеням у парадного входа, она обогнула дом и направилась к входу в квартиру, распо-

ложенную в бейсменте²⁰, которую использовали как склад. Времени почти не оставалось. Сквозь завесу облаков уже проглядывало солнце, скоро оно встанет, а с ним и жители Нью-Йорка.

Лора вылила две бутылки кислородного отбеливателя в ведро и, воспользовавшись соседским шлангом, развела водой. Потом схватила щетку с железной щетиной и принялась что есть сил оттирать лужу крови возле мусорных баков. Подстегиваемая страхом, что ее заметят, она скребла, пока не закружилась голова, а руки не начало разъедать химикатами.

Выливая окровавленную воду из ведра в сточную канаву, Лора вдруг окаменела... глядя, как потоки дождя стекают по тротуару в ливневую канализацию.

Мало того, что тяжелый запах крови и особый запах богини скрыть почти невозможно, так теперь она сама пропиталась и тем, и другим. Оставался единственный выход – запутать охотников слишком большим количеством следов и надеяться, что они собьются с ног, прежде чем найдут дорогу к их дому и к Майлзу.

И Лора двинулась обратно по следам Афины, оттирая тротуар. Она решила хорошенько побродить по другим районам, разбрызгивая там и тут окровавленную воду из ведра.

Наконец, оказавшись возле Центрального парка, она ста-

²⁰ Полуподвальное помещение с окнами, в США часто используется как отдельное жилое.

щила с себя грязные кроссовки и носки. Перспектива возвращаться домой босиком по грязному, потрескавшемуся асфальту вызывала отвращение, но она поспешила обратно, стараясь не думать о том, что предстояло сделать. Она петляла по улицам, выбрасывая по одной кроссовке, по одному носку в попадавшиеся по дороге мусорные баки и урны.

Приближаясь к дому, Лора швырнула ветровку в кузов ползущего мимо мусоровоза и напоследок запихнула джинсы и рубашку под шасси двух разных грузовиков доставки, стоявших у магазинчика мистера Эрреры.

Вместо того чтобы войти в парадную дверь, Лора вошла в дом через бейсмент. Сандаловый запах одеколona Гилберта витал повсюду, смешиваясь с легкими запахами плесени и пыли. Отставив в сторону коробку с его галстуками-бабочками на каждый праздник, Лора порылась в контейнерах, где было свалено разное барахло, и нашла старые шорты и футболку.

Натянув их, Лора запихнула грязную одежду в пакет для мусора и постаралась выровнять дыхание. Через некоторое время привычный запах дома вытеснил химическую вонь, забивавшую ноздри, а паника опять сменилась злостью.

Поднявшись по внутренней лестнице, Лора вернулась в тишину первого этажа. Напряжение немного спало, и, оглядевшись, она расплылась в улыбке: Майлз отмыл коридор, выключил свет в гостиной и оставил стакан воды и пузырек с аспирином возле Афины.

«Очень кстати», – признала Лора. Без Майлза было бы гораздо тяжелее.

Она посмотрела в сторону входной двери: Майлз не просто ее запер, но и подпер ручку спинкой стула. Хотя это не помешало бы охотникам заложить взрывчатку и разнести переднюю часть дома.

Услышав шаги, Афина повернула голову. Глаза ее были открыты и светились в полумраке. Рука прижимала к ране полотенце.

Воздух вокруг нее был неподвижным, тишина – неестественной...

– Полагаю, ты хочешь, чтобы я защитила тебя и спрятала от тех, кто с радостью убил бы и меня, – прошептала Лора. – Поэтому и пришла сюда, не так ли?

Афина слегка кивнула.

– А что это даст *мне*? – Лора сделала еще один шаг. – С тобой такое впервые, да? Но, даже если ты исцеляешься быстрее, чем обычный смертный, шансов у тебя немного. Так с чего бы мне связывать свою жизнь с той, кто может не протянуть и нескольких часов, не говоря уже о днях?

– Я слышала о том... что с тобой произошло... – произнесла Афина. – Все эти годы... искала... тебя...

Кожа Лоры покрылась мурашками. В конце каждого Агона боги, новые и старые, вновь обретали бессмертие, но оставались в мире смертных и не могли вернуться в свой Дом.

Новые боги, полные силы, выбирали физическую форму

и жили в роскоши, снова и снова перекраивая устройство мира, чтобы пополнять хранилища своих смертных кланов. Но старые боги, чья сила убывала, предпочитали оставаться бестелесными. Так их нельзя было поймать, когда они странствовали по миру, планируя свои действия во время следующей охоты, или обдумывая месть тем, кто пытался их убить. Потому-то – из-за постоянной угрозы со стороны старых богов, – охотники всегда носили маски.

– Ты искала меня? – удивилась Лора. – Зачем?

– Я верила... что смогу... убедить тебя помочь мне... Я слышала твое... имя... от других семей... Твоя семья... убита. Мать... отец... сестры. – Афина тяжело дышала. – Одни говорили, что ты... пропала. Другие считали... мертвой.

У Лоры перехватило горло.

– Что ты об этом знаешь? – с трудом выговорила она.

Афина снова посмотрела на нее, на этот раз торжествуя.

– Я знаю... кто их убил.

Воспоминания, мучительные и реалистичные, поднялись в душе, прорываясь сквозь все выстроенные барьеры. Лора снова видела дверь их квартиры, когда подошла к ней тем утром. Слышала леденящую тишину внутри. Ощущала запах крови.

Она сделала глубокий вдох и с силой нажала ладонями на глаза, пока яркие цветные пятна не заплескали под веками. Ей удалось сойти с темной тропы, на которую она опять ступила, но лишь на мгновение. Удивительно, как она не сорвалась, когда сказала:

– Я уже знаю, кто их убил. Аристос Кадму из Дома Кадма. Новый Арес, рожденный в последнем Агоне.

– Возможно, он... приказал их убить... но кто держал клинок? – настаивала Афина. – Не он. Он был всего лишь новорожденным богом...

Тело Лоры напряглось так, что стало больно.

– Это не имеет значения. Он отдал приказ. Аристос Кадму был главой своего клана, а потом стал их богом. Они все несут ответственность, все до единого – мужчины, женщины, дети, преклоняющие перед ним колени. Но только у него была власть это сделать.

Клан подчинился его приказу, и ее родители и обе сестры были убиты с такой жестокостью, что Кадмидам пришлось не

одну неделю отмывать квартиру в попытке скрыть улики. В конце концов им все равно пришлось уничтожить следы преступления огнем. По мнению Департамента полиции Нью-Йорка ее семья сама устроила пожар из-за спора об аренде, а потом покинула город, и больше их никто не видел.

Никто из Дома Кадма не взял на себя ответственность за преступление. Никто и не собирался этого делать. Много веков назад охотники поклялись на крови никогда намеренно не убивать охотника из другого клана, пока длился очередной семилетний цикл. Только так удавалось сохранить мир.

С семьей Лоры разделались на следующее утро после завершения Агона, хотя клятва должна была их защитить. Кадмиды нарушили священный обет, но ни один другой дом не был настолько силен, чтобы бросить им вызов, и ни один из богов не внял ее молитвам.

– Почему ты... не отомстила за них? – задыхаясь, продолжала Афина. – Все эти долгие годы... ты ничего не делала... Ты... не признаешь свою... Мойру... Ты никогда не искала... *пуане*... только опустила... *эйдос*...

Лора опустила на пол – у нее подкосились ноги. Она обхватила себя руками, борясь с тяжестью в груди. *Ее Мойра* – ее участь, ее судьба.

– Эти слова сейчас ничего для меня не значат, – хрипло произнесла она.

Но слышать их было так же больно, как беречь старые раны.

Пуане. Возмездие.

Эйдос. Стыд.

Жизнь без совершенства *арете*²¹ и заслуженного *тимэй*²².
Жизнь без завоеванного *клеоса*²³.

– Я была всего лишь маленькой девочкой. – Лора едва слышала свой голос. – Они бы и меня убили. Я была недостаточно сильна, чтобы бороться с ними. И я знала, что никогда не смогу добраться до него, тем более после того, как он вознесся.

Все это время она убивала, чтобы не быть убитой. Передвигаясь пешком, по воде и по воздуху, мечтала вернуться в город, где выросла. Она сбежала из лабиринта клятв, придуманных, чтобы удерживать ее в ловушке, пока не настанет день, когда Агон призовет ее пожертвовать последним ударом сердца.

Но Лора не сделала ничего, чтобы отомстить за свою семью.

Губы Афины скривились.

– Оправдания... Ложь, которой ты себя утешаешь... Ты никогда не была... всего лишь... *маленькой девочкой*. Я слышала... как о тебе шептались... говорили, что ты была луч-

²¹ Термин древнегреческой философии, означающий «добродетель», «доблесть», «достоинство» или «превосходство».

²² В переводе с древнегреческого «поклонение», которого удостоивались боги и божества.

²³ В переводе с древнегреческого «слава».

шей в своем поколении... и как жаль... что ты рождена в другом клане...

– Ты лжешь, – пролепетала Лора, не в силах сдержать дрожь. Много лет назад подобные слова значили бы для нее все – так она жаждала признания от тех, кто отказывал ей в этом.

– Спартанцы... называли тебя... – выдохнула Афина, – маленькой Горгоной... Я искала тебя... выбрала тебя... зная твои способности... зная, что ты больше не охотник... Но ты... никогда не была слабой... бессильной... Поэтому я хочу знать... почему ты ничего не сделала... чтобы отомстить за свою семью?

Лора прижала руки к груди, загоразживаясь словами Гилберта, выставляя их как щит. Но чем можно защититься от правды?

– Это не так... Ты не поймешь. Единственное, что имеет значение в этом мире – это то, что ты можешь сделать для других. Как можешь о них позаботиться.

Богиня насмешливо фыркнула.

– Все, что знаешь ты, – продолжала Лора, презирая себя за срывающийся от волнения голос, – все, что тебя когда-либо волновало – это власть. Тебе не понять, как можно желать чего-то другого. Если я скажу, что мне не нужна его сила, ты не поверишь. А я не хочу участвовать в этой отвратительной игре.

– Тогда чего же... ты хочешь? – спросила Афина.

Слова вырвались с яростью и болью:

– Быть свободной!

– Нет, – с трудом произнесла богиня. – Дело не в этом. В чем ты... отказываешь себе?

Видение вспыхнуло в ее сознании, яркое и чистое, но Лора покачала головой.

– Лги... себе... но не мне, – сказала Афина. – Ты знаешь... что никогда не будешь... свободной, пока тени твоей семьи... страдают и блуждают... И они никогда не упокоятся, пока он жив.

Лора прижала кулаки к глазам, пытаясь найти слова, чтобы возразить.

– Ты отрицаешь свое наследие... Ты отрицаешь честь... Отрицаешь своих предков и богов... Но этого ты не можешь отрицать, – не унималась Афина. – Потому что это – истинно. Скажи мне... чего ты хочешь.

Правда наконец вырвалась из клетки.

– Я хочу убить его!

Лора годами хоронила в себе это признание – загоняла правду как можно глубже. Все ради того, чтобы быть достойной новой, подаренной ей жизни. Она стыдилась не того, как сильно хотела этого или как часто мечтала о смерти убийцы. Но Гил дал ей второй шанс, и Лора не могла отплатить за это неблагодарностью.

– Но я не могу, – продолжала Лора сквозь боль, сковавшую ее горло. – Даже если бы мне удалось подобраться к

нему недостаточно близко, убить Аристоса – означает забрать его силу. А я не хочу быть богом. Я просто хочу жить. Я хочу знать, что моя семья... покоится в мире.

– Тогда я убью его за тебя.

Лора непонимающе уставилась на богиню.

– Я убью лже-Ареса от твоего имени, – заявила Афина, с трудом делая новый вдох. – Если ты поклянешься... что сможешь мне... если поклянешься... связать свою судьбу с моей, пока... не закончится эта охота... на рассвете... на восьмой день.

Сердце Лоры снова отчаянно забилося в груди.

Вот это поворот... То, что предлагала Афина, не просто уничтожит Аристоса Кадму. Бог не мог отнять силу у другого бога. Но Афина устранила бы опасное влияние Ареса на Агон и на мир смертных.

– Свяжи свою судьбу с моей, – повторила богиня, протягивая ей окровавленную ладонь. – Твое сердце... жаждет этого...

Лицо Гилберта, его открытая улыбка промелькнули в сознании Лоры.

«Прости», – с отчаянием подумала она.

И кивнула.

Губы Афины растянулись, открывая запачканные кровью зубы.

– Ты же понимаешь, что это означает? Что влечет за собой клятва?

– Я знаю.

Ее далекий прапрапрадед стал героем поучительной истории, по глупости связав свою судьбу с олимпийским богом Дионисом. Древний бог нуждался в защите от потомков Кадма. Хотя сам Дионис принадлежал к этому роду через свою смертную мать, Дионис проклял и семью, и Кадма тоже, когда те отказались поверить, что он сын Зевса.

Но древний бог проиграл – его загнали в угол и зарезали как кабана. И в этот момент сердце предка Лоры тоже остановилось. Сильнейший в своем поколении, он ушел в одну секунду и остался в памяти сородичей предателем. А еще – и так считал отец Лоры – он стал истинной причиной многовековой вражды между Домами Персея и Кадма.

Лора согласилась бы приютить Афину, защитить ее ценой собственной жизни, надеясь, что богиня не умрет от ран. Это был риск, на который пришлось бы пойти. Клятва была проклятием – приносивший ее проклинал самого себя. Если Лора потерпит неудачу, она будет проклята. И в случае успеха тоже. Но она знала, что больше такой возможности у нее никогда не будет.

Лора попыталась вспомнить слова клятв, которые произносили ее отец и мать, но не смогла заставить себя обратиться к какому-либо из богов.

– Я помогу тебе пережить эту неделю, и ты уничтожишь бога, некогда известного как Аристос Кадму, моего кровного врага, – тихо произнесла Лора. Она взяла богиню за холод-

ную руку. – Если такова сделка, клянусь силами земными, что выполню клятву или навлеку на себя гнев небес.

Богиня кивнула.

– Тогда я связываю свою смертную жизнь с твоей жизнью... Мелора, дочь Демоса, потомка Персея... Если я паду... ты падешь вместе со мной. Если ты погибнешь в Агоне... я погибну тоже. Вот клятва, которую мы даем друг другу.

Тепло окутало их соединенные руки, а потом по спине Лоры пробежал холодок, будто кто-то провел по ней острием ножа. Сила Афины приходила только в виде стали и боли...

– Это все? – спросила Лора.

Ответом ей была жестокая, кровавая улыбка богини.

Лора отстранилась и, пошатываясь, поднялась на ноги. По ее коже словно рассыпались искры, как звезды в небе, проникая до самых костей.

– Нужно остановить кровотечение, – сказала Лора, глядя на рану Афины. – Не знаю, найдется ли у меня нитка, чтобы наложить швы.

Богиня покачала головой.

– Прижги огнем.

Почти не ощущая тела, Лора направилась на кухню. Она держала разделочный нож над газовой конфоркой, пока металл не раскалился, сияя золотом, как искры в глазах Афины.

Майлз, отрешенно подумала она. Как только все это за-

кончится, нужно посмотреть, как он там.

Но Майлз уже сам спустился, чтобы узнать, как у нее дела. Он сидел на ступеньке лестницы, напряженно выглядывая из-за старых деревянных перил. Лицо у него было белое, как стена, и Лора поняла, что он все слышал.

– Я думаю, – произнес он хриплым голосом, не отводя глаз от Лоры, которая стояла перед ним с раскаленным ножом в руках, – тебе стоит рассказать мне, что, черт возьми, здесь происходит.

6

Лора пересказала Майлзу урезанную историю Агона, созданного, чтобы наказать девятерых богов – включая богиню, чьи раны она только что прижигала в гостиной, – и поведала о девяти кланах, потомках древних героев, избранных для охоты на провинившихся.

Она втиснула более тысячи лет в считанные минуты, понимая, как безумно все это звучит, но лицо Майлза ни разу ни дрогнуло. Он старательно удерживал маску невозмутимости.

Некоторое время они сидели в тишине. А, в сущности, чего она ожидала? Слушая собственные слова: «Так, на исходе каждых семи лет семь долгих дней будут они бродить по земле в облике смертных. Если убиваешь одного из них, становишься новым богом, забираешь силу и бессмертие убитого, но в следующем Агоне начнут охотиться и на тебя», Лора чувствовала, как в животе у нее скручивается узел, и не только потому, что с самого раннего возраста ее учили никогда не впускать в свой мир посторонних.

Для Майлза эти имена – Афина, Артемида, Аполлон, Посейдон, Гефест, Афродита, Дионис, Гермес и Арес – были древней историей, а отнюдь не живыми, дышащими гигантами, которые отказались просто исчезнуть, как только на их землях появился более авторитетный бог.

По версии охотников, боги пытались силой вернуть власть

над своими последователями, разжигая хаос в время падения Рима, заставляя Аполлона насылать на человечество смертоносные эпидемии, например, Юстинианову чуму²⁴, которая погубила десятки миллионов людей. И все это в надежде, что смертные вновь начнут молить богов о защите и о прибежище.

– И когда Зевс приказал им остановиться, – завершила рассказ Лора, – девять богов во главе с Афиной попытались – неудачно – свергнуть его с Олимпа, и продолжить борьбу за власть.

Когда нужно было поговорить о чем-то серьезном, Гилберт всегда заваривал чай, и Лора поймала себя на том, что делает то же самое. Вот только руки ее потянулись не к чайным пакетикам и приготовили совсем другой отвар.

Охотники в шутку называли свой чай *нектаром*, напитком богов. Они заваривали тимьян – траву храбрости, а еще имбирь, лимон и мед, чтобы укрепить тело во время тренировок и Агона. Но обе кружки так и остыли, нетронутые, на столе, где она их оставила.

Захрипел кондиционер, наполняя кухню прохладным воздухом. Лора задернула занавески над раковиной – солнце било прямо в окно, значит, время близилось к полудню.

– Скажи что-нибудь, – прошептала она, снова садясь за

²⁴ Юстинианова чума – первая отмеченная историками эпидемия этого заболевания. Длилась почти два века и унесла на Востоке и в Европе жизни более 90 млн человек.

кухонный стол.

– Я хочу сказать... – Отводя взгляд, Майлз провел рукой по волосам. – Лорен... это даже не твое имя.

– Ты ведь понимаешь, почему я не могла жить под своим настоящим именем? – спросила она.

Но дело было не только в том, чтобы затаиться, спрятаться так, чтобы ее никогда не нашли. Это новое имя – Лорен Перто – стояло в новом паспорте и в других поддельных документах, без которых семье матери Лоры не удалось бы вывезти девочку из страны. С тех пор это имя стало ее именем.

– Ничего не понимаю, – признался Майлз. – Итак: каждые семь лет происходит эта... охота. И место меняется. Все как в Олимпийских играх, только с убийствами? Правильно?

– В основном, да, – подтвердила Лора. – Охотники вычислили, что могут управлять местом Агона, перемещая так называемый *Омфал* – большой камень, который когда-то находился в Дельфах и отмечал место, которое считалось пупом земли, центром мира.

– «Пуп», как в том стихотворении? – уточнил он.

Когда-то Лора прочитала ему английский перевод предания о том, как Зевс провозгласил начало Агона. Оригинальная версия на древнем языке была утеряна.

– Да. Главы Домов собираются за год до следующего Агона и голосуют за место, где будет проходить охота. Обычно выбирают одно из тех, где у каждого из них сосредоточены основные ресурсы и власть, – продолжила Лора. – Они долж-

ны переместить Омфал так, чтобы боги не узнали и, следовательно, не могли разработать стратегию. Нынешний Агон проходит здесь, но кланы часто предпочитают крупные города островных государств, откуда богам труднее сбежать. Такие, например, как Лондон и Токио.

А еще, хотя такое случалось крайне редко – когда преследователям хотелось особо помучить жертву, Омфал возвращали в древнюю страну, и на богов охотились среди руин посвященных им же храмов, на земле людей, которые когда-то так их боялись.

– Девять семей... – заговорил Майлз.

– В Агоне теперь участвуют только четыре, – перебила его Лора. – Остальные вымерли.

– Как и твоя? – осторожно уточнил Майлз. – Потому что ты... последняя в своем роду?

– Последняя смертная, – ответила Лора. – Новый Посейдон, Тайдбрингер когда-то принадлежала Дому Персеидов, потомков Персея.

– А остальные Дома?

– Дома Кадма, Тесея, Ахилла и Одиссея – единственные сохранившиеся линии, но были также Дома Геракла, Ясона... – перечисляла Лора, а затем добавила, потому что, казалось, никто никогда не знал об их существовании: – еще Мелеагра, что возглавил Калидонскую охоту на вепря, и Беллерофонта, который победил чудищ и укротил Пегаса. Эти два рода погибли первыми.

Обе линии были уничтожены вскоре после того, как в шестнадцатом веке другие семьи решили упростить свои имена, чтобы соответствовать изменившемуся законодательству того времени. Дома Мелеагра и Беллерофонта были признаны недостойными дальше участвовать в охоте. В голосовании участвовал даже проклятый род Ясона. Мелеагра выбрали, потому что члены клана были потомками бастарда, а Беллерофонта – потому что их предок умер, вызвав ненависть богов, и только сам Зевс смог бы принять искупительную жертву от павшего героя²⁵.

– А я думал, что Геркулес... Геракл? Что он скачал на Пегасе? – удивился Майлз. – Хочешь сказать, что в моем любимом мультфильме неправда?

Лора вздохнула.

– Сейчас я задам трудный вопрос, – замялся Майлз, – но что именно случилось с остальными членами твоей семьи?

На мгновение Лора растерялась, не зная, с чего начать.

– Существует такое правило – основа нашей веры, – что только мужчинам, в частности, избранному главе каждого рода, позволено претендовать на власть бога. – Лора напряглась и снова почувствовала злость. – Только мужчины могут стать наследниками как смертной, так и бессмертной силы. Если в роду есть лидер мужского пола, всегда известно, кто станет его преемником. Если этот архонт падет или вознесется к бессмертию, власть перейдет к его сыновьям или брату,

²⁵ Более полно см. миф о Беллерофонте.

или племяннику. Когда род собирается на следующий Агон, они голосуют за того мужчину, который получит этот титул.

Когда-то она тоже верила в это – больше, чем верила. Даже ребенком Лора с радостью умерла бы за всех мужчин, только чтобы сохранить жестокий порядок в их мире. Но сейчас эти слова вызывали у нее лишь горечь, граничившую с отвращением.

– Они и в самом деле так ущемляют женщин? – спросил Майлз. – Даже сейчас?

Ноздри Лоры раздувались, она сделала шумный вдох.

– Прошли столетия, пока наконец женщинам не разрешили охотиться, да и теперь только избранным позволено образовывать отряды, которыми управляет сам архонт. Уж не знаю, специально это было придумано или вышло случайно, но четырнадцать циклов назад Тайдбрингер обрела божественность. И не от кого-то там, а от одного из первых богов, от Посейдона.

Странно было чувствовать и гнев, клопочущий в глубине души, и симпатию к новой богине. Лору учили ненавидеть ее, винить в том, что случилось с Домом Персея. Ей постоянно внушали, что Тайдбрингер совершила ошибку. И не потому, что смертный убил бога и занял его место. На это посягнула *женщина*, а это нарушало порядок вещей.

– Хорошо, но почему леди Посейдон связывают со смертью твоего... Дома? – спросил Майлз, осторожно подбирая слова. – Ты, кажется, говорила, что новые боги защищают

свою семью и служат ей?

– В том-то и дело. Даже Персеиды избегали Тайдбрингер, и ей пришлось скрываться во время всех последующих Агонов, ведь у нее не было семьи, которая могла бы ее защитить. Кланы видели в ней прямую угрозу мироустройству. Раньше никому и в голову не приходило, что женщина способна вознестись, пока Тайдбрингер не сделала этого. Опасность видели уже в самой идее...

Майлз вздохнул.

– Похоже, я знаю, к чему все идет.

– Чтобы подобного больше не повторилось, другие семьи, возглавляемые архонтом клана Кадма, уничтожили почти весь Дом Персея в последний день того Агона, когда убийство других охотников еще допускалось, – продолжила Лора. – Помимо Тайдбрингер, выжил мой прапрадед – он решил остаться в университете вместо того, чтобы участвовать в том цикле.

– Ничего себе, – пробормотал Майлз.

– Другие кланы решили сохранить ему жизнь, чтобы мучить другим способом – унижением. Они поделили запасы оружия и доспехов Персеидов, их прибыльные империи судоходства и текстильного производства, а еще передали главе рода Кадма величайшее наследие семьи.

Эгиду. Щит Зевса с головой Медузы Горгоны, который во многих битвах находился в руках его любимой дочери Афины. Сам главный бог-олимпиец вручил Эгиду Дому Персея,

чтобы помочь им в охоте. Щит, способный вызывать молнии и одним своим видом вселяющий нечеловеческий ужас в сердца врагов.

Эгида была предметом всеобщей зависти, и остальные Дома таили обиду на Персеидов за то, что те получили наследство, считавшееся высшим. На протяжении веков соперничавшие кланы уничтожали другие символы власти, чтобы не допустить их использования.

Но только представители семьи могли использовать дары, принадлежавшие их Дому. Кадмиды, может, и украли Эгиду, но никто из них не мог ею владеть. Так что истинная причина того, почему удалось выжить ее прапрадеду и почему пощадили и саму Лору, была еще более чудовищной – когда умрет последний из Персеидов, исчезнет и Эгида.

– Вот это да... – медленно произнес Майлз. – Но, выходит, твоя семья... твои родители...

– И сестры.

Лицо Майлза вытянулось. Они с Гилбертом знали только то, что семья Лоры погибла, и девочку, не спрашивая ее согласия, взял на воспитание родственник по материнской линии. И то, и другое было правдой, но лишь в общих чертах.

– Их смерть была спланирована Аристосом Кадму – внуком того, кто руководил изначальным истреблением Персеидов, – сказала Лора.

– И теперь он стал новым... Аресом? – встрепнулся Майлз. – После того, как убил последнего нового Ареса семь лет

назад?

– Смертный думает, что ты лжешь.

Услышав низкий голос Афины, Лора вздрогнула. Но Майлз отреагировал куда более бурно. Он вскочил, опрокинув стул, и метнулся к ближайшему столу.

– Господи! – выдохнул он, пытаясь изобразить нечто похожее на полуреверанс-полупоклон. – Я имею в виду... я не...

– Так ты мне веришь? – повернулась к нему Лора. – Или нет?

Афина стояла в дверном проеме кухни, тяжело опираясь на косяк и прижимая руку к ране в боку. Боги исцелялись быстрее, чем обычные смертные, но Лора все равно удивилась тому, что Афина уже смогла встать.

– Я хотел сказать, да, – произнес Майлз. – Я верю тебе. Просто мне нужно время, чтобы это переварить, понимаешь?

С насмешкой оглядев его, богиня повернулась к Лоре.

– Этот сосуд нуждается в питании.

– Ты хочешь... есть? – догадалась Лора.

Афина опустилась на стул. На мгновение взгляд Лоры задержался на ней, и сердце ее дрогнуло: богиня в доме Гилберта, на его стуле.

Наконец Лора поднялась и направилась к холодильнику. Через несколько минут на столе появились три тарелки яичницы с беконом и три стакана воды. С вилками в руках, Лора и Майлз наблюдали, как Афина взяла пальцами ломтик

бекон и поднесла его к носу.

Лора считала, что бесплатная еда самая вкусная, но, похоже, богиня не разделяла этого мнения. Она надкусила бекон и передернулась.

– Лучший бекон, который я когда-либо пробовал, – заявил Майлз, отправляя в рот большой кусок. Его преданность Лоре не уменьшилась, даже после того, как выяснилось, что он много лет не знал о ней правды.

– Не хочешь – не ешь, – холодно сказала Лора Афине.

Богиня сделала глоток воды и насмешливо скривила губы.

– Все дело в *ощущениях*. – Афина заставила себя проглотить кусочек яичницы. – Опуститься до таких... низменных потребностей. Нуждаться в пресной, отвратительной пище или чувствовать пустоту в желудке. Чувствовать боль. Это невыносимо.

– Ну да, – согласилась Лора. – В человеческом существовании много *невыносимого*.

Майлз удивленно посмотрел на нее, но промолчал.

– Что ж... – начал он, и его глаза метнулись к небесному существу, восседавшему рядом. Афина была все еще покрыта грязью и темной засохшей кровью. – Где твоя сова?

Взгляд, которым одарила его богиня, испепелил бы целый квартал, будь она в полной силе.

Ничуть не смутившись, Майлз продолжал:

– А твой щит?

Стакан выскользнул из руки Лоры и разбился о дно рако-

ВИНЫ.

– Лора? – Майлз кинулся на помощь, но Лора отмахнулась, жестом велела ему сесть и принялась собирать осколки.

– *Эгида*, – твердо произнесла Афина, называя вещи своими именами. – Это был щит моего отца. Много веков назад отец подарил его охотникам вместе с другим нашим оружием и божественным имуществом. С тех пор я его не видела, да и не смогла бы им воспользоваться, даже если бы захотела. Если только он не окажется в моих руках к последнему из семи дней, когда я обрету свою бессмертную форму.

– Неправда, – возразила Лора. – Щит должен быть добровольно передан кем-то из рода, а это невозможно. Кадмиды держат его у себя уже десятки лет.

– И ты это знаешь точно, не так ли?! – произнесла Афина. – С какой целью ты рассказываешь все это смертному, Мелора? Чем это поможет?

– Я устала ему лгать, – ответила Лора, стараясь не вспылить. – Понимаю, тебе все это чуждо. Дай знать, если тебе понадобится новое определение слова «друг». Похоже, Артемида была последней, кого ты считала другом... пока она не ударила тебя ножом.

– Не думал, что когда-нибудь это скажу, но впервые в жизни я рад, что у меня нет сестры, и поножовщина здесь ни при чем, – вмешался Майлз, которого явно задела слова богини. – Хочу спросить: Артемида – единственная из первых богов, кто все еще участвует в Агоне? Кроме тебя?

Афина подняла голову и посмотрела на Лору, словно желая, чтобы та ответила вместо нее.

– Нет, еще Гермес. И Аполлон, – сказала Лора.

– Вот тут ты ошибаешься, – резко заявила Афина. – Аполлон погиб в конце последнего Агона.

Услышав эти слова, Лора чуть не лопнула от приступа жгучего любопытства, но все же сумела его побороть. Она стиснула руки под столом и сидела так, пока не успокоилась.

– Считается, что Аполлон был тогда убит, но никто этого не видел, – заметила Лора. – Ходили слухи... Однако это могло быть всего лишь уловкой, чтобы в следующем Агоне Аполлона преследовал только один клан. К какому бы Дому ни принадлежал новый Аполлон, его личность держат в секрете. Скорее всего, это кто-то из Дома Тесея. В прошлом году этот клан сделал значительные инвестиции в солнечную энергию.

Лора уже объяснила Майлзу, как новый бог может принести финансовую пользу своей семье, вмешиваясь в мировые события ради продвижения их интересов. Так, новая Афродита, Харткипер, привел Дом Одиссея в чрезвычайно успешные голливудские проекты. Новый Арес, и Аристос Кадму, в том числе, развязал новые международные конфликты, чтобы поддержать инвестиции своего клана в производство оружия. А новый Дионис основал первую мегацерковь²⁶ или культ Судного дня. Возможности открывались

²⁶ Общепринятое в англоязычных странах обозначение протестантских церк-

огромные, нужно было лишь включить воображение.

– Итого, восемь богов, – заметил Майлз. – Остался еще один?

– Гефест, – ответила Лора. – Но его больше нет.

– Уничтожен властолюбивым самозванцем, – прорычала Афина.

– Может, твоему отцу следовало оставить более четкие и разумные инструкции, а не поручать каким-то парням слагать дерьмовые вирши о том, как все начиналось, – съязвила Лора. – Охотники не виноваты в том, что им пришлось самим устанавливать правила.

– Конечно, – презрительно фыркнула Афина. – Высокомерному самозванцу было недостаточно обладать силой одного бога. И один болван попытался убить другого, чтобы посмотреть, сможет ли он заполучить еще и власть Гефеста. Справедливо, что он не смог.

– Тут я с тобой соглашусь, – кивнула Лора. – Больше никто не совершал этой ошибки. Охотники хотят сохранить как можно больше возможностей обрести бессмертие. Вот почему Агон никогда не закончится. Они этого не допустят.

Часы, принадлежавшие еще деду Гилберта, пробили очередной час, и каждый их удар все сильнее действовал Лоре на нервы.

вей численностью более 2000 прихожан, собирающихся в одном здании. Собрания в таких мегацерквях, нередко сопровождающиеся концертами звезд эстрады и другими яркими мероприятиями, привлекают множество верующих, особенно молодежи.

– Ну, и какой у нас план? – спросил Майлз.

– Ты идешь на свою стажировку, – решительно заявила Лора. – И находишь друга, у которого сможешь пожить до следующего воскресенья.

– Что? – возмутился тот. – Какой тогда был смысл рассказывать мне все это?

– А такой, – объяснила Лора, – чтобы ты понял, насколько все опасно.

– Если это так опасно, я не уйду отсюда и не оставлю тебя, – уперся Майлз. – Напишу начальнице, что заболел. Но я не уйду, и ты меня не заставишь.

Обнаружив, что Афина наблюдает за этой перепалкой с удивлением и одобрением, Лора стиснула зубы.

– Мне нравится общество этого смертного, – сообщила богиня.

– Этот смертный даже не знает основ боя на ножах. – Лора поднялась, чтобы собрать пустые тарелки. – Так что, если ты падешь в бою первой, удачи тебе.

Она снова повернулась к Майлзу.

– Я не знаю, сколько еще в этом доме будет безопасно. Я попыталась сбить со следа охотничьих собак, чтобы они не учуяли ее запах. Но этого может оказаться недостаточно.

– Я не буду пленницей в этом доме, – проговорила Афина. – И воспользуюсь собственной силой, чтобы скрыть свое присутствие, если необходимо. Я довольна, что останусь здесь, пока восстанавливается эта смертная оболочка. Одна-

ко, для того чтобы выполнить нашу клятву, мне придется покинуть эти стены. А ты, Мелора Персеус, знаешь меньше, чем тебе кажется. Ты даже не знаешь, что именно лже-Арес ищет последние семь лет.

Перед глазами Лоры вновь промелькнуло лицо Кастора.
Он что-то ищет...

– А ты знаешь? – спросила она.

Богиня кивнула.

– Стихотворение, которое тебе так дорого и которое ты цитируешь как достоверный источник, либо неполное, либо существует и другая версия. В которой говорится, как закончится Агон и победитель получит безграничную власть.

Разум Лоры отключился, отреагировало только тело. Она подскочила на стуле, тот, опрокинувшись, с грохотом ударился о кафельный пол. И чтобы не упасть самой, ей пришлось вцепиться в руку Афины.

– Что?!

Растерянный взгляд Майлза заметался между ними.

Афина покачнулась – сильная потеря крови давала о себе знать, а, может, ее ранение было гораздо серьезнее.

– Мы с сестрой следили за Кадму. Он жаждет раздобыть эту информацию больше всего остального и отправил полчища своих охотников на ее поиски. Вряд ли стоит объяснять, какие катастрофы ожидают мир, если этот документ попадет к нему в руки. Мы должны торопиться. Если мы найдем этот фрагмент... он приведет нас к Кадму, и тогда я прикончу его.

Конечно, отыскав новую версию оригинала – если она вообще существует, – Афина получила бы недостающие крупицы знаний, за которыми охотился Аристос Кадму. Лоре вообще не нравилось, что кто-то – охотник или бессмертный – может завладеть такой ценностью. Значит, ей придется найти ее первой и, по возможности, уничтожить документ или...

Уничтожить любого охотника, который знает, что там написано.

– В таком состоянии ты с ним не справишься, – заметила Лора. – Я знаю, ты исцеляешься быстрее нас, но твоему телу, вероятно, требуется переливание крови и, по крайней мере, антибиотики.

– Я не нуждаюсь в таких средствах, – возразила Афина. – Ты что, сомневаешься в моей силе, дитя?

Богиня, казалось, не замечала, как быстро она моргает, стараясь держать глаза открытыми.

– Я сомневаюсь в твоём смертном теле, – уточнила Лора.

– Ты можешь попросить кого-то о помощи? Того, кому ты можешь полностью доверять? – спросил Майлз.

– Да, – ответила Лора, а про себя добавила: *«может быть»*.

Кастор обучался на целителя и наверняка имел доступ к запасам своей семьи – к лекарствам, крови и всему остальному, чего Лора не смогла бы купить на черном рынке. Если на кону стояла смерть Аристоса Кадму, она была готова

переступить через свою гордость и попытаться найти Кастора. Вот только там, в клубе, Лора кипела от злости и, скорее всего, несправедливой. Она помнила, что ее давний друг был не из тех, кто таит обиду, но этого нового Кастора Лора совсем не знала.

Аподидраскинда.

Это было приглашение... не так ли?

– Я могу обратиться за помощью и попытаться узнать больше информации о новой версии предания и о том, у кого она может находиться, – заговорила Лора. – Большинство охотников сейчас здесь, но этот текст может храниться в архивах одного из Домов в другой стране.

– Текст здесь, – убежденно проговорила Афина. – Я в этом уверена, и лже-Арес, судя по всему, тоже. В тайнике или в чьей-то памяти, но то, что мы ищем, находится в этом городе.

Лора кивнула.

– А твоя сестра? Не явится ли она сюда, чтобы тебя добить?

– Артемида ранила меня только для того, чтобы самой спастись от Кадмидов. Они напали на нас во время Пробуждения, – сказала Афина. – Возможно, наш союз и распался, но у нее будут другие... заботы. Когда придет время, я отплачу ей своим клинком.

– А как насчет Гермеса? – спросила Лора.

– Я давно его не видела. – Лицо Афины оставалось бес-

страстным. – И не хочу. Когда четыре десятилетия назад этот глупец нарушил наш договор, мы отказали ему в помощи, как и он нам.

– Почему-то меня это не удивляет, – пробормотала Лора. И, повернувшись к Афине, добавила: – Сейчас мне нужно уйти, а ты можешь привести себя в порядок.

Богиня коснулась пряди волос, прилипшей к окровавленной щеке, и кивнула. Стремясь обеспечить мир и покой в доме на время своего отсутствия, Лора наполнила ванну, добавила в воду соль и ароматическое масло и положила возле раковины рулон свежих бинтов.

– Я найду тебе чистую одежду. Но должна предупредить: она не будет соответствовать твоим обычным стандартам.

Афина обернулась, и ее глаза сверкнули.

– Я уверена, все, что ты найдешь, будет... терпимым.

Лора остановилась в дверях, вцепившись пальцами в косяк.

– Сейчас я уйду, – тихо произнесла она, – искать для тебя целителя. Майлз останется с тобой, в безопасности, потому что не знаю, *что* бы я сделала с собой, если бы с ним что-то случилось.

Губы Афины изогнулись в насмешливой улыбке.

– Действительно. Хотя...

– Что?

– Боюсь, в нашей истории ты кое-что понимаешь неправильно, – сказала Афина. – Мы были наказаны не за то, что

отнимали жизни, а за то, что вторглись в земли других богов. И это угрожало нашему миру – миру, о котором смертным ничего не известно.

– Это же... – начала было Лора. *Ужасно, жестоко, невероятно.* Выбирай любое слово, и оно окажется верным.

Не договорив, Лора тихо закрыла дверь и снова полезла в карман за цепочкой, которую ей подарил Гилберт. Амулет-перышко лежал на ее ладони, и Лора застыла в полумраке коридора, дожидаясь, пока сердце перестанет так биться.

«Не потеряно, – подумала она. – Свободно».

Пусть закончится эта неделя, и Афина выполнит свою часть сделки, тогда Лора станет по-настоящему свободной. От Агона. От богов. От охотников.

Застав Майлза в своей комнате, Лора не удивилась. Майлз сидел на краешке ее кровати и был самым ярким пятном в аскетичной обстановке маленькой спальни.

– Ладно, – вздохнув, начала Лора, – я знаю, ты хочешь остаться, но...

Майлз внезапно вскочил и крепко обнял ее. Лора замерла, боясь пошевелиться.

– Почему ты не уехала? – прошептал он. – Ты могла уехать на прошлой неделе. Я бы тебе помог.

На мгновение зажмурившись, Лора высвободилась из объятий и шагнула к комоду.

– Если что-нибудь произойдет, пока меня не будет, или ты заметишь на лице кого-то подозрительного, ты должен

оставить Афины и бежать.

– И не подумаю, – упрямо повторил Майлз.

– Ты не можешь сражаться с охотниками, Майлз. Они обучены убивать богов и любого, кто окажется у них на пути. Я даже тела твоего не найду.

Майлз непонимающе уставился на Лору.

– Я не собираюсь с ними *сражаться*. Спрячусь в подвале и наберу 911, как все нормальные люди.

Слабо улыбнувшись, Лора бережно положила на комод цепочку с подвеской, а потом вытащила из ящиков белую просторную рубашку, черные штаны, белье и носки.

– Хочешь, попробую починить? – предложил Майлз.

– А ты сумеешь? – спросила Лора, отдавая ему украшение. – Другой цепочки у меня нет, а если носить на шнурке, можно потерять.

Майлз осмотрел место разрыва.

– Я попытаюсь.

– Спасибо. – У Лоры было так мало вещей, которыми она дорожила. Из прошлой жизни не осталось ничего.

Кроме Кастора, пронеслось у нее в голове.

Она набрала в грудь воздуха, позволяя этой мысли согреть ее. У нее все еще был Кастор. Агон отнял очень много, но вернул его.

– Знаешь, я понял, почему охотники хотят бессмертия, – произнес Майлз, отрывая взгляд от цепочки. – И понимаю, что это означает для них и для семей, которым они принад-

лежат. Но за ними тоже будут охотиться! Так неужели им не приходит в голову, что игра не стоит свеч?

Лора так боялась рассказать обо всем Майлзу, так паниковала. А теперь чувствовала усталость и облегчение. Хорошо, что она сумела преподнести ему эту историю правильно.

– *Клеос*. Все сводится к этому. За этим они и охотятся. Это единственное, чего им позволено желать. Бессмертие можно обрести, став богом, а можно – через славу. Клеос – это почитание, которое приходит, когда становишься легендой и живешь вечно в сказаниях и песнях, которые о тебе слагают. Твое тело может умереть, но имя останется.

– И это все? – удивился Майлз.

– Знаю, тебе это кажется бессмыслицей, – ответила Лора.

Любому, кто вырос за пределами ее мира, трудно это понять. Иногда это было непонятно даже ей самой.

Резкий вой телефона Майлза заставил их обоих вздрогнуть.

– Ты *должен* поменять рингтон, – взмолилась Лора.

Майлз одними губами произнес: «*извини*», выскочил за дверь и ответил на звонок слегка страдальческим: «Привет, ма... Да, нет, у меня есть время. В чем дело?»

И пока он шел по коридору в свою комнату, Лора слышала, как он говорил:

– Нет, нет, это не то место. Это там, где мы раньше играли в футбол, не в школе...

Дверь его комнаты закрылась, и слов уже было не разли-

чить, но его голос все еще звучал в ее голове, чисто и звонко, как колокольчик.

То место, где мы раньше играли...

Конечно. *Аподидраскинда*. Прятки. Игра их детства.

– Это умно, Кас, – прошептала Лора.

Его послание было не вызовом, а подсказкой, где его искать.

На высоте трех этажей над землей, балансируя на узком бетонном выступе бывшего склада в Трайбеке²⁷, Лора обнаружила, что боится высоты!

– Фантастический план. Как всегда, – пробормотала она.

Тело дрожало от напряжения, саднили подушечки пальцев, содранные о кирпич. В последний раз Лора проверила камеры видеонаблюдения справа – убедилась, что не попадется на ближайшую к ней.

Когда Ахиллиды владели и другой недвижимостью в городе, именно здесь, в этом здании, известном как Дом Фетиды, они с Кастором в детстве играли в апоидидраскинду. Именно тогда Кастор показал ей, как подобраться к зданию сзади, незаметно для камер видеонаблюдения и снайперов на крыше. Это было сродни подвигу – проникнуть в служебный лифт гаража, проползти сквозь замаскированную дыру в заборе, по которому пропущен ток, использовать ряды мусорных баков в качестве щита.

И последний, смертельно опасный, вызов в этом состязании – забраться на верхний угол здания, цепляясь лишь за декоративную кирпичную кладку. Вот только сегодня все было иначе, чем семь лет назад.

²⁷ TriBeCa (сокр. от Triangle Below Canal Street – «Треугольник южнее Канал-стрит») – первый жилой квартал Нью-Йорка. Застраивался с конца XVIII в.

Лора боялась не только падения, но и того, что найдет внутри этих стен. Она подтянулась еще на четыре кирпича вверх, оставив позади балконы и окна третьего этажа. И тут до ее ушей донеслись какие-то звуки: негромкая музыка, звон хрусталя, гул возбужденных голосов.

Переместившись ближе к окнам, Лора покрутила головой, проверяя все ли спокойно, и, дотянувшись до левого балкона, заглянула в затемненные стекла полуоткрытых дверей.

«Это что, такая шутка?!»

Вечеринка?

Лора словно видела сон о другой, древней жизни. По залу скользили женщины в светлых хитонах и пеплосах²⁸ древнего покроя, но из шелка. Сверкали драгоценности, диадемы из лавровых листьев, живых и золотых украшали головы.

У столов с обильной закуской и пирамид из бокалов шампанского и вина толпились мужчины в хитонах. Хотя кто-то все же выбрал более современные просторные одеяния поверх свободных шелковых брюк.

Вечеринки, перерастающие в хмельные пирушки с вином и древними обрядами, обычное дело – в конце концов, зачем тебе слава, если нельзя купаться в роскоши? Иногда во время таких пиров проводились некие церемонии – например, жертвоприношения Зевсу в дни, предшествовавшие

²⁸ Пеплос – женская верхняя одежда для торжественных случаев, из легкой ткани, с множеством складок, без рукавов. Представляет собой большой кусок ткани, который надевали поверх туники, скалывая на плечах.

Агону, дабы заслужить благосклонность верховного Олимпийца, особые ритуалы после завершения охоты, когда наступало время хоронить мертвых.

Но эта вечеринка была чем-то иным.

«Тебе лучше появиться, Кас», – сердито подумала Лора, чувствуя давно забытый прилив нетерпения и азарта.

В этом здании было бесчисленное множество комнат: спальни, учебные помещения, конференц-залы, гардеробные, кабинеты, – в этом лабиринте запросто можно было заблудиться. Официально Лору пускали только на второй этаж, в огромное открытое пространство, заполненное стеллажами с оружием, где она тренировалась с молодыми Ахиллидами.

Когда Лора была еще ребенком, родители пытались научить ее сражаться, однако им не всегда удавалось выкроить время для этих занятий – оба трудились в поте лица, зарабатывая на жилье и кусок хлеба. Лора никогда не задумывалась о том, чего стоило ее отцу обратиться к архонту Ахиллидов по поводу ее обучения – истинная цена измерялась не деньгами или обещанными услугами. Всякая просьба означала, что просивший вынужден переступить через свою гордость, унизиться.

Взглянув на верхний балкон, Лора вздохнула. Четвертый этаж использовался в основном как склад, и, поскольку на крыше всегда находились наблюдатели, его охраняли не так тщательно, как нижние, более доступные уровни. Не особо

следили и за неприметным входом в цокольном этаже здания, расположенного справа от Дома Фетиды.

Ненадежный, сантиметровой толщины карниз тянулся от края здания к ближайшему балкону. Втянув в себя воздух, Лора задержала дыхание и на цыпочках ступила на его кромку. Плечи и руки просто кричали от боли, но сейчас ее больше беспокоили кончики пальцев, онемевшие и кровоточащие, с трудом цеплявшиеся за шершавый кирпич. Не позволяя себе задуматься о безрассудстве этой затеи, быстро переступая ногами, она заскользила по карнизу в сторону балкона.

Солнце нещадно жгло спину. В плотном, влажном, раскаленном мареве городских улиц можно было свариться. От нестерпимой духоты у Лоры кружилась голова. Сморгнув пот, заливавший глаза, она протянула руку к каменным перилам балкона.

На трясущихся ногах она перелезла через парапет, бесшумно прыгнула на узкий бетонный балкон. Лора подкралась к двери, оставаясь невидимой для охранников на крыше, и несколько мгновений стояла на коленях, ожидая, когда к верхней части тела вернется чувствительность.

«У тебя нет на это времени. Вперед!» – прозвучало у нее в голове.

За плотными шторами ничего нельзя было разглядеть. Лора прижалась ухом к горячему стеклу двери, но слышала только шум вечеринки внизу и звуки бешено колотившегося

сердца.

Стеклянные панели на дверях были пуленепробиваемыми, но куда большей проблемой была сигнализация. Или могла ею стать, если бы одиннадцатилетний Кастор чуть более активно сопротивлялся дьявольскому чутью десятилетней Лоры, которая делала ставки только на заведомый выигрыш.

Прямо над дверным проемом торчал один-единственный незакрепленный кирпич. С помощью перочинного ножа Лора вытащила его из кладки, мысленно поблагодарив того изобретательного охотника: однажды Кастор подсмотрел, как парень проделывает этот трюк, чтобы тайно встретиться со своим возлюбленным, потому что вступать в брак им запрещали.

Достав из кармана джинсов небольшой магнит, Лора размотала шнурок, который еще раньше прикрепила к нему скотчем. Осторожно опустив магнит в образовавшееся отверстие в стене, с помощью шнурка она стала двигать его назад и вперед, пока не услышала характерный щелчок, когда магнит соприкоснулся с датчиком сигнализации.

«Пожалуйста, сработай, – взмолилась она. – Пожалуйста, пусть хотя бы это будет легко».

Датчики сигнализации всегда были магнитными и срабатывали, когда магнит на двери отделялся от зафиксированной части. Система простая, но эффективная, и оставалось лишь надеяться, что Ахиллиды не перешли на новые, лазер-

ные устройства.

Лора снова полезла в карман – на сей раз за тонким ку-сочком пластика, который вырезала из бутылки. Просунуть его между дверями и открыть нижний, более слабый замок – это было быстро. Подождав, пока охранник снова пройдет по крыше, она вставила в замок отмычку, купленную в хозяй-ственном магазине по соседству. Обернув кирпич подолом футболки, она нажала на отмычку, вдавливая ключ как мож-но глубже, чтобы повернуть, и, если повезет, отпереть дверь. Выпрямившись, Лора прижалась спиной к другой двери и с довольной улыбкой толкнула ее назад, прямо в тяжелую пор-тьеру.

– Предсказуемые идиоты.

Сколько бы миллионов не тратили семьи на системы без-опасности и оружие, они не могли заставить себя запечатать эти двери или замуровать их так же, как окна. Ибо если дру-гой клан или бог напали бы на них в этом здании, это лиши-ло бы клан еще одного пути отступления.

Бесшумная сигнализация тоже не сработала. Лора про-скользнула внутрь и тихо закрыла за собой створку. В полу-мраке она вытянула шнурок через отверстие, сняла магнит и вложила кирпич на место, радуясь, что в помещении рабо-тает кондиционер.

Как она и ожидала, это помещение все еще использовали как склад. Тут был настоящий лабиринт коробок и старых сундуков и воняло затхлой сыростью, как будто вещи пере-

ташили из затопленного подвала. Хорошенько порывшись и обнаружив слегка заплесневелый черный костюм охотника, Лора натянула его поверх рваных джинсовых шорт и пропотевшей черной майки.

На дне сундука валялась облезлая маска. Лора уставилась на нее с отвращением. Мысль о том, что ей придется носить знак не своей, а чужой семьи, заставила ее содрогнуться.

«Она тебе понадобится, – убеждала себя Лора. – Возьми ее. На всякий случай».

Жаль, что в коробках не нашлось какого-нибудь оружия. – Ну, хоть что-то... По крайней мере, острое, – пробормотала она, найдя в ящике с инструментами отвертку.

Сунув ее в потайной внутренний карман накидки, Лора надела капюшон, но потом сбросила его, когда поняла, как нелепо это будет выглядеть.

– Давай, Персеус, – прошептала она. – Идем искать.

Планировка коридора была такой, как она помнила, разве что на некоторых дверях появились кодовые замки. Лора подняла голову, проверяя, есть ли на потолке скрытые камеры.

И в этот момент тишину прорезал чей-то голос, лезвием вонзаясь ей в затылок.

– Что ты здесь делаешь?

Лора резко обернулась. Мужчина, в таком же, как у нее, плаще, стоял на верхней площадке лестницы в конце коридора.

– Я... – пробормотала она, и сказала первое, что пришло в голову: – Мне показалось, что я слышала какой-то шум.

Мужчина прищурился. Лора скользнула рукой под накидку, нащупывая отвертку, но заставила себя остановиться. Неподвижно застыв на месте, она выглядела бы еще более виноватой.

– *Он кричал так, будто ему плохо?* – спросил мужчина на древнем языке. В его голосе прозвучала нотка беспокойства. – *Я думал, что с ним сиделки.*

Сиделки?

– Да нет, ложная тревога, – успокаивающе ответила Лора, переходя на древнегреческий и стараясь не попасть в слабое пятно света, которое отбрасывал подсвечник на столике рядом. Она крепче сжала маску, жалея, что вовремя не надела эту дурацкую штуку. – *Опасности нет.*

Еще до того как выйти из дома, Лора нашла фломастер и нарисовала на левом запястье букву альфа вместе со знаком Дома Ахилла. Такую татуировку она видела на груди и предплечьях Ахиллидов, обучавших ее боевым искусствам. Она лениво подтянула рукав, демонстрируя знак, и небреж-

но поскребла по коже ногтем.

Увидев фальшивую татуировку, незнакомец расслабился. Даже зная о том, что шпионы готовы на любые уловки, лишь бы проникнуть в логово чужого клана, охотники упорно продолжали верить, что нанесение на тело метки другого Дома разгневает предков и они отвернутся от тебя.

Последние семь лет несчастья стали постоянными спутниками Лоры, так что вряд ли предки смогли бы возненавидеть ее еще сильнее.

– Хорошо, – кивнул охотник. – Тогда пошли вниз. Надо успеть подкрепиться до нового дежурства. Ты же одна из девушек Таноса, я угадал?

– С первой попытки. – Лора позволила себе улыбнуться. – Как...

В другом конце коридора внезапно распахнулась дверь, и наружу вывели маленьких девочек, лет пяти, не старше.

Сердце Лоры сжалось.

Все девочки были одеты в простые белые туники с золотой вышивкой, сандалии и пояса тоже были золотыми. На головах диадемы, – ни одна не повторяла другую, – в косы вплетены ленты.

За ними вышла женщина: темные кудри уложены плотными завитками, а фиолетовый шелк длинного драпированного складками платья украшали древние символы и рисунки, включая изображение Ахилла в боевой стойке.

Женщина сделала знак девочкам, и все девять малышей

замолчали и покорно застыли. Лоре было хорошо известно, что эта покорность поддерживается страхом.

Из комнаты напротив показался мужчина, и для Лоры его появление было подобно удару грома. Ее ноздри раздулись от гнева.

Филипп Ахиллеос поседел, на его лице застыла гримаса постоянного недовольства, он стал еще более мрачным. Шрамы гораздо отчетливее выделялись на бледной коже, и, хотя старый подлец все еще выпячивал грудь, его лучшие времена остались позади, и тело под темно-сапфировым плащом явно усохло.

За ним следовала его жена, Аканта, как всегда элегантная, с идеальной прической. В этой паре именно она была лучшей охотницей, к концу ее первого цикла Агона именно имя Аканты было у всех на устах. Но этот брак и временный союз, соединивший Дома Ахилла и Тесея, подрезал ей крылья.

– *Патерас*²⁹, – Женщина в фиолетовом поклонилась Филиппу. – Могу я представить вам...

Он обвел девочек взглядом, полным отвращения. И когда одна из них осмелилась поднять на него глаза, архонт с размаху ударил ее в висок.

Обуреваемая яростью, Лора, даже не осознавая этого, качнулась в их сторону, но девочка снова выпрямилась и подняла голову, сохраняя бесстрастное выражение лица.

«Нужно найти Кастора, – одернула себя Лора. – Ты чуть

²⁹ Патерас в переводе с греческого – «отец».

не прокололась».

Но девочки... эти малышки... смотреть на это было невыносимо. Возвращение в Дом Фетиды на мгновение выбило Лору из колеи, но знакомое чувство ненависти к охотникам и к этой жизни прошило ее насквозь.

Вместо того, чтобы взорваться от возмущения, она молча глядела, как девочка склоняется перед Филиппом с уважением, которого тот не заслуживал, в надежде доставить ему удовольствие...

Филиппу было наплевать на этих детей, как в свое время и на Кастора. Архонт сам отказал отцу мальчика, когда тот просил денежной помощи на лечение сына. И этого было достаточно, чтобы Лора возненавидела Филиппа Ахиллеоса на всю жизнь, на всю вечность.

– Получше никого не могла найти? – прошипел он, уставившись на женщину в фиолетовом. – Я же просил тебя выбрать красивых девочек. Где ты откопала этих? Среди крыс, что живут в подземке?

– Отец... – умоляющим голосом проговорила женщина.

Аканта успокаивающе положила руку на плечо мужа, украдкой переглянувшись с той, что привела девочек. Нити бриллиантов в ее ушах заискрились в отблеске свечей.

– Возможно, *патерас*, их вид не будет столь оскорбителен для вашего взора, если их кожу покрыть золотой краской?

Филипп Ахиллеос издал низкое рычание.

– Да будет так! – рявкнул он. – Помни, тебе следует опа-

саться не только моего разочарования.

– Да, *патерас*. – Женщина торопливо подозвала девочек. – Да, конечно. Они будут готовы к церемонии.

«Церемония», – отметила про себя Лора. Не просто празднование.

Обернувшись, Филипп заметил в конце коридора охотника и Лору.

– А вы чего там стоите, как истуканы? Соскучились по порке?

Не дожидаясь более жесткого «приглашения», оба побежали вниз по лестнице.

Ее спутник что-то говорил, пока Лора, глядя себе под ноги, считала ступеньки. От благовоний и аромата кипарисового масла голова стала тяжелой, а движения замедлились.

Спортивный зал, единственный открытый этаж в здании, был переоборудован для проведения церемонии. Вход задрапировали плотным белым шелком, который полностью скрывал пространство за ним. Два охотника в парадной одежде, с ярко раскрашенными шлемами и телами, охраняли дверь.

Пропустив Ахиллида вперед, Лора потянулась к руке охранника и сжала его предплечье двумя пальцами так, как научил ее Кастор. Ему пришлось, много лет назад, когда он проиграл ей очередное пари. Охранник ответил тем же жестом.

– Добро пожаловать, сестра, – прошептал он и отступил

в сторону.

Кивнув стражу, Лора нацепила бронзовую маску и сразу почувствовала себя увереннее – кое-кто из охотников сделал то же самое. Оставаясь единственной, кто носит маску, она бы непременно привлекла к себе внимание, но гораздо хуже было бы оказаться узнанной.

Прошло, наверное, лет семь с тех пор, как Лора в последний раз переступала порог Дома Фетиды, однако она за это время почти не изменилась, и любой, кто знал мать Лоры, увидел бы сейчас перед собой ее копию. Лора унаследовала от матери непослушные густые волосы, теплый оливковый цвет кожи и светло-карие глаза.

Но... возможно, она зря боится разоблачения. Ее мать умерла, и, хотя обиды тлели столетиями, воспоминания со временем тускнели. Скорее всего, никто из присутствующих в этом зале и не вспомнил бы, кто такая Елена Персеус. Никто, кроме ее дочери.

Отодвинув шелковую завесу, Лора оцепенела. Она даже не сразу поняла, что видит перед собой.

Храм. Она стояла внутри храма.

Лора сделала шаг вперед, и иллюзия рассеялась. Призрачные голографические изображения проецировались на зеркальные стены и крыши. Колонны, настоящие и фальшивые, поднимались к голограмме сводчатого потолка, расписанного яркими красками, позолотой и серебром.

Даже зная, что храм не настоящий, Лора испытала трепет,

природы которого не понимала, и не хотела понимать. Обернувшись, она увидела за голографическими колоннами расцвет на диком и скалистом морском берегу. Она двинулась дальше, и тени начали сгущаться. Она словно оказалась во сне, который постепенно превращался в ночной кошмар.

Ряды небольших горшков, в которых пылал огонь, вели к подобию алтаря, освещая узорчатую плитку, положенную поверх истертого деревянного пола, который Лора и сотни других учеников забрызгивали своей кровью, скребли подошвами, царапали клинками.

– Какого черта? – прошептала она.

Перед алтарем находился бассейн, зажженные свечи плавали среди цветов. Она увидела внушительного вида кресло – настоящий трон с изображением солнца, вырезанным на его спинке. Казалось, трон отлит из золота или, по крайней мере, покрыт им. Впрочем, Лора не удивилась бы, если бы этот предмет действительно оказался выкованным из драгоценного металла – судя по размаху мероприятия, к которому тут готовились.

Кто-то из гостей покачивался под нежную мелодию лиры, пары кружили по залу, с бокалами вина, вооружившись сплетнями вместо клинков. Длинные столы под белоснежными скатертями занимали правую часть комнаты. Бесценные чаши и вазы из сокровищницы Ахиллидов ломились от фруктов. На серебряных блюдах лежали тонко настроганное мясо, рыба, сыры, хлеб, горы фаршированных оливок.

Стрельнув глазами по сторонам и убедившись, что на нее никто не смотрит, Лора схватила кубок с вином и, осушив его, принялась разглядывать угощение. Конечно, нужно как можно скорее найти Кастора, но желудок ныл от голода, и терпеть эту боль было невыносимо.

Когда женщина, которая довольно давно мелькала рядом, у блюда с *амигдалотой*³⁰, наконец переместилась к медовой пахлаве, Лора схватила миндальное печенье и сунула в рот. Ей очень хотелось прихватить одно из завернутых в золотую фольгу шоколадных яблок и принести Афине – просто чтобы посмотреть на ее реакцию.

Утолив немного голод и ощутив прилив бодрости, Лора продолжила осматриваться в огромном зале и, стараясь держаться в тени, двинулась дальше. Теперь, когда она подошла ближе, проецируемые изображения казались плоскими и невыразительными.

«Ну же, Кас, – думала Лора. – Где же ты?»

Она шагнула к бассейну с подсвеченной водой и, остановившись за границами его мерцающего ореола, принялась искать глазами Кастора. Ахиллиды, как и другие кланы охотников, уходили корнями в глубокую древность, но каждое столетие родственные связи распространялись на все большие территории. Об этом свидетельствовало многообразие мелькавших в толпе лиц и оттенков кожи.

Лора стояла на месте, но чувствовала, как пульс участил-

³⁰ Разновидность миндального печенья.

ся: снова оказаться здесь, в этом зале, среди этих людей... было невыносимо. Она разрывалась между желанием уйти и остаться. Хотела отвести взгляд, но не могла.

В детстве Лора испытывала благоговейный трепет перед показным богатством кланов, которым не могла похвастаться ее семья. Она прониклась завораживающими тайнами и традициями их мира и чувствовала себя гордой и свирепой, как и подобает сверхъестественному существу, сознавая, что ее семья тоже принадлежит к числу избранных. Они Чистокровные, наследники величайших героев.

«Это всего лишь костюмированная вечеринка», – напомнила себе Лора.

Нынешний мир был подобен окружавшим ее мертвым проекциям. Храм... Когда-то это было место священного поклонения, а не потакания своей алчности. Ритуалы охотников давно утратили духовную составляющую. Единственной религией кланов стала бессмысленная жестокость и жажда богатства. Незыблемым оставался лишь культ Зевса, но даже жертвоприношения ему превратились в формальность, порожденную суеверием, а не преданностью.

Лора заметила среди гостей нескольких молодых Ахиллидов, с которыми когда-то тренировалась, и ее обдало жаром. Орест обхаживал скучающую Селену, одну из немногих, кто снисходил до разговоров с Лорой за те три года, что она провела среди них. А вот Агата – сидя на краю бассейна, тянется, чтобы достать упавший в воду изумрудный браслет. Ря-

дом с ней Исус – шрамов у него стало гораздо больше, чем помнила Лоре, но она предпочла бы вообще о нем не вспоминать. Когда-то он решил, что у нее не должно быть «настоящего» и «правильного» имени, и стал называть ее Клорис, рассчитывая, что это ее заденет.

«Где же ты, Кас?» – снова подумала Лора, выныривая из тяжелых воспоминаний. Время шло, а Кастор все не появлялся. Надежды таяли, и Лора почти отчаялась. Может, он исцеляет раненых охотников их клана? Или вообще находится в другом владении Ахиллидов?

Мать Кастора погибла во время Агона сразу после его рождения, и мальчика растил Клеон, его отец. Но почему его тоже здесь нет? Это странно. Клеон уже много лет управлял Домом Фетиды. Он и жил в этом здании и наверняка отвечал за организацию праздника.

«Слишком много времени потрачено впустую», – досадовала Лора, направляясь к выходу. Она решила, пока кругом царит праздничная суэта, поискать Кастора на верхних этажах. А если ничего не выйдет, украсть любые лекарства, какие удастся найти, и вернуться к Афине.

Но не успела Лора сделать и нескольких шагов, как в помещении наступила тишина. Охотники выстроились по краям освещенной дорожки, ведущей к алтарю. Жадные взгляды, глаза, лихорадочно блестящие от вина и возбуждения, вызывали у Лоры отвращение.

На верхней площадке лестницы первым появился Филипп

Ахиллеос, потом Аканта – на шаг позади него. Под аккомпанемент лиры они направились к трону, глядя прямо перед собой – на алтарь. Однако вместо того, чтобы опуститься в золоченое кресло, Филипп встал слева от него, Аканта – справа.

Сначала Лора не поняла, почему Филипп не занял трон, но догадка вдруг обрушилась на нее как цунами.

Восторг толпы. Символы солнца, лиры, лавра на барельефах и гирляндах вокруг.

Все это должно было напоминать Большой храм на острове Делос.

Место рождения Артемиды... и ее брата-близнеца Аполлона.

– О, – выдохнула Лора, по спине пробежала дрожь.

Новый Аполлон скрывался не в Доме Тесея, а в Доме Ахилла.

Но это же не Филипп? Она смотрела на старика, пытаясь разгадать настороженное выражение его лица.

Интересно... Может быть, произошла трагическая случайность? И Аполлон умер до того, как старик смог его прикончить. Такое в истории Агона случалось.

Дети, те самые девочки, которых Лора видела наверху, покрытые золотой краской спускались по ступенькам. Важная миссия наполняла их гордостью, и смотреть на это было мучительно. Первая сжимала в одной руке свечу, а в другой – маленький серебряный предмет. Кто-то держал книгу, кто-

то – подзорную трубу, лиру, театральную маску. Лора поняла – малышки изображали Муз.

Спой мне, о Муза...

Следуя торжественной процессией, они приблизились к бассейну, расселись по краям и опустили свечи в воду. Язычки пламени плясали среди белоснежных цветов. Слабый гул наполнил воздух – казалось, он исходил отовсюду. Молодая чернокожая музыкантша ударила по струнам лиры, и зазвучала новая мелодия. Звуки уносились вверх, они будто состояли из воздуха и света. Лора пыталась рассмотреть из-за чужих спин, что – вернее, кто – приближается к алтарю.

Еще до того, как Лора услышала изумленные вздохи, она уже знала, что должна отвернуться. Внезапное тепло пробежало по коже и, набирая силу, воспламеняло каждый нерв в ее теле.

Он спускался по лестнице, и это было похоже на первый луч солнца, пробивающийся утром в окно. Его фигура была безупречна – рослый, мускулистый, – а лицо пробудило в памяти сладкое эхо.

Кастор.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

В то зимнее утро, когда солнце еще не пустилось в путь по небосводу, а сестра еще не начала ворочаться под одеялом, прогоняя остатки сна, Лора открыла глаза навстречу своей судьбе.

Она увидела лицо отца, склонившегося над ней.

– *Chrysaphenia mou*, – как всегда ласково прошептал он. *Моя золотая*. В его взгляде было столько нежности... – Ты все еще хочешь тренироваться? Я нашел для тебя место.

Лора посмотрела на сестру: Олимпия – Пиа – свернулась, как котенок, в их маленькой кровати, и снова перевела взгляд на отца. Сон как рукой сняло. Тело, казалось, вот-вот взорвется от радости.

– Агогэ?³¹

Отец кивнул.

– Ахиллиды примут тебя на обучение, начинать нужно прямо сегодня.

Отбросив простыни, Лора вскочила так быстро, что отец усмехнулся и, наклонившись, поцеловал дочь в голову. Лора поцеловала его в ответ.

– Спасибо, спасибо, спасибо!

– Тс-с-с, – отец кивнул на спящую сестру.

Лора жестом «запечатала» губы, но не могла сдержать счастливую улыбку и подпрыгнула.

– Однако это совсем не похоже на то, о чем ты читала, – предупредил отец, погладив ее по волосам. – Не хочу, чтобы ты разочаровалась, когда придешь туда и увидишь, что это не Спарта.

У каждого Дома была своя система воспитания воинов. Из классической программы обучения, основанной на канонах великой Спарты, они исключали то, что им не нравилось. Но Лоре было все равно. Единственное, что имело значение – она сможет сражаться, как ее родители. Увидит церемонии, старинные документы и все остальное, чего лишена их маленькая семья. Узнает большие тайны, о которых только слышала.

– Сегодня? – переспросила она, просто чтобы убедиться, что это не сон. – Правда?

³¹ Система воспитания юных спартанцев, отличавшаяся особой жесткостью.

– Правда, – кивнул отец. – А теперь умывайся и одевайся. Я завезу тебя перед работой.

Лора бросилась к маленькому комоду, который делила с сестрой, и выдвинула верхний ящик. Рамки с фотографиями задребезжали, едва не разбудив Пиа, которая зашевелилась в постели, но повернулась на другой бок. Лора оглянулась, увидела ее темные волосы на подушке, и бесшумно вытащила футболку, свитер и джинсы. Снова задвинув ящик, подошла к кровати и накрыла Пиа одеялом, убедившись, что кукла Банни у сестры под боком.

«Наконец-то!» – ликовала она. От возбуждения сердце выскакивало из груди, Лора едва могла дышать. Она выбежала из комнаты и остановилась, заметив, что все еще босиком.

Три месяца назад родители сидели с Лорой за маленьким столом на их крохотной кухне и объясняли, почему она, скорее всего, не сможет начать обучение вместе со сверстниками из других семей охотников.

– На это нет времени, – сказала тогда мама. – Я знаю, это тебя расстроит, но ты ведь понимаешь, что мы не такие, как другие кланы. Мой... Дом Одиссея не откроет нам свои двери после того, как я отрелась от своего имени. Кроме того, их школа находится за морем. Нам с отцом придется самим тренировать тебя. Наступит лето, и я, возможно, буду работать меньше, а миссис Осборн сможет присматривать за твоими сестрами...

Лора кивала, удерживая слезы и боль внутри. Она даст им волю, когда сможет убежать в свою комнату. Там она тихо заплачет в подушку. Книгу мифов, которую дал ей отец, засунет далеко под кровать, и больше никогда не возьмет в руки.

Она погрузилась в глубокий сон, и судьба явилась ей в мерцающем облаке. Сны были посланиями от Зевса. Она все запомнила – край щита, раздвигающего тьму; крыло, сотканное из золотого света; яркие глаза, отразившиеся в лезвии меча. Лора никогда и никому не рассказывала об этом сне, и вот теперь богини Судьбы пришли к ней наяву.

Мать уже хлопотала на кухне – готовила завтрак. Дамара лежала в уютной колыбельке и что-то лепетала. Крошечная, меньше куклы, и кожа такая мягкая и нежная... Лора боялась прикоснуться к ней – вдруг синяк останется?..

Она наклонилась и осторожно поцеловала сестренку в макушку. Ей нравилось шептать свои секреты Дамаре – в отличие от Пиа, малышка не могла разболтать их родителям.

– Я немного нервничаю, – прошептала она и пощекотала сестру. Та весело заворковала.

Лора рассмеялась.

– Она издает звуки, как котенок.

– Котенок? – Папа протянул руку, погладил Дамару по щеке.

– Истинная Персеус, – с гордостью проговорил он. – Столько силы в этой хватке!

– Мурррсеус, – хихикнула Лора.

– Кажется, кто-то очень взволнован, – сказала мама, ставя перед Лорой тарелку овсянки.

Лора вдохнула сладкий запах корицы и бананов – мама приготовила ее любимый завтрак и предложила:

– Хочешь, заплету тебе косу?

Лора кивнула, и мать расчесала ее волнистые волосы и заплела в аккуратную косу. Родители негромко обсуждали новости, которые передавали по радио.

– Мы можем идти?! – вскочила Лора, быстро доев кашу. – Выйдем пораньше?

Отец рассмеялся.

– А что нужно сказать маме?

– Ой! Спасибо, мама. – Лора влезла на стул, чтобы поцеловать ее в щеку.

Мать помогла ей спуститься и проводила их с отцом до двери. Протянула пальто дочери и удивленно сказала:

– Ты уже почти выросла из него. Будешь высокой, как твоя бабушка.

Лоре хотелось на это надеяться. Рост здорово помог бы ей, когда дело дойдет до спарринга, а потом и во время охоты.

– Поначалу будет очень тяжело, – предупредила мать, застегивая пуговицы на ее пальто. – Наберись мужества и не унывай. Все придет со временем. Ты же дочь Персея.

И пока они с отцом ехали в центр города на метро – дальше, чем ее когда-либо возили, эти слова не выходили у Лоры

из головы.

Выйдя из подземки, Лора увидела незнакомые улицы – незнакомые и волнующие.

Отец крепко держал Лору за руку, не давая дочери вырваться и убежать вперед. Наконец они подошли к большому кирпичному зданию. Отец остановился, проверяя адрес, и, положив руку на плечо Лоре, подвел к более скромному строению рядом. Он даже не успел поднять руку, чтобы постучать, как дверь отворилась.

Их встретил мужчина. Раздраженно скривившись, он смотрел, как они топчутся на нижних ступеньках лестницы. Его черные волосы были гладко зачесаны назад, и Лора сразу заметила, что он походит на взбешенного козла.

– Мы поражены вашим великодушием. – Отец склонил голову и полез во внутренний карман пальто, чтобы вытащить толстый конверт. Мужчина взял его, даже не взглянув. – Могу я представить вам мою дочь, Мелору?

– Ты понимаешь условия этого соглашения? Тебе понятно, какую услугу я жду от тебя взамен?! – прогрохотал голос незнакомца.

Растерянный взгляд Лоры заметался между ними. *Услуга?*

– Понимаю, – сказал отец. – Я пришлю вам всю информацию по Тайдбрингер.

– К вечеру.

– К вечеру, – согласился отец.

Лора нахмурилась. Из-за Тайдбрингер их семья была разорена и почти уничтожена, но ей вовсе не хотелось чем-то делиться с этим человеком, соперником ее Дома. Хотя, наверное, в этом не было ничего страшного. Ведь ее отец никогда не ошибался...

Неприятный мужчина перевел взгляд на нее.

– Я – Филипп Ахиллеос, архонт Ахиллидов. – Он повернулся, оставляя дверь открытой. – Пойдем, дитя. Твоему отцу не позволено входить сюда.

Лора почувствовала, что отцовская рука больше не сжимает ее плечо.

– Вернусь за тобой вечером, – пообещал он.

Но Лора не оглянулась, даже когда дверь захлопнулась и замок щелкнул, словно выключая утреннее солнце. Перед собой она увидела внутренний двор, заставленный машинами. Мужчина повел ее вниз по лестнице. Нырнув в темный коридор, они оказались в подземном туннеле, который вел к большому зданию.

– Ты – гостья в Доме Фетиды, – предупредил девочку архонт. – И если кому-то расскажешь о том, что увидишь здесь, твоя жизнь, как и жизнь твоей семьи, будет кончена. Если ты будешь отставать в учебе, тебя исключат из *агогэ*, чтобы ты не тянула наших детей назад.

Лора сказала «да», как будто ее о чем-то спрашивали. Она была готова на все, лишь бы остаться. Она хотела тренироваться долго и усердно, сколько потребуется, чтобы добиться

арете – идеального сочетания мужества, силы, мастерства и успеха и, в один прекрасный день, – *клеоса*. Судьба щедро вознаградила ее, и теперь девочка собиралась раскрыть свой дар, продемонстрировать, на что она способна.

Филипп Ахиллеос привел Лору на второй этаж, в светлое, несмотря на отсутствие окон, помещение. На деревянном полу толпились дети. Тут были и ее ровесники, лет семи или восьми, и ученики постарше – некоторые даже намного.

Едва они с Филиппом вошли и направились в дальний конец зала, разговоры мгновенно смолкли, наступила напряженная тишина. Дети поклонились архонту, но Лора слишком увлеклась разглядыванием стеллажей с оружием и учебных снарядов, чтобы обращать внимание на перешептывания о Персеидах и Персее.

Наконец они подошли к группе сверстников Лоры. Дети, одетые в короткие красные хитоны, сжимали в руках маленькие деревянные посохи, похожие на копья только без смертоносного наконечника. Лора жадно вглядывалась в лица будущих соучеников и с удивлением видела неприязнь и настороженность.

«Они просто меня не знают, – подумала девочка. – Я должна проявить себя – именно так говорится в наших преданиях».

– Это Мелора Персеус, – объявил Филипп. – Она присоединится к вашей *агеле*³² как гость нашего рода.

³² Агела (в переводе с *греч.* – стадо) – распространенные на Крите и в Спарте

На этом ее представление соученикам было завершено. Кивнув тренеру, Филипп удалился. Светловолосый мужчина, настоящий зверь в человеческом облике, смерил ее взглядом.

– Персеус, – усмехнулся он. – Похоже, великий Дом Персея совсем измельчал: просит милостыню, торгуется, давит на жалость.

Дети пересмеивались и перешептывались. Лора так стиснула челюсти, что, казалось, зубы вот-вот раскрошатся.

– Ты опоздала на несколько недель, – продолжал тренер, обходя ее.

На противоположном конце этажа другие ученики приступили к дневным занятиям, упражняясь с мечами и посохами. Лора сопротивлялась мучительному искушению вернуться и посмотреть на них, найти успокоение в лязге металла о металл, ударах дерева о дерево, плоти о плоть.

Ты – дочь Персея. Она повторяла эти слова до тех пор, пока они не превратились в невидимую броню. *Ты – дочь Персея.*

– Так уж вышло, что и он тоже опоздал. – Инструктор ткнул пальцем в мальчика, застывшего в дальнем углу комнаты. Повинуясь этому жесту, тот шагнул вперед, протискиваясь сквозь толпу. Лора бросила на него оценивающий взгляд, пытаясь понять, что с ним не так.

молодежные группировки (для тех, кому меньше 17 лет), созданные для занятий спортом и подготовки к политической и военной деятельности.

Он был примерно ее роста, но руки и ноги – тонкие, словно веточки. Желтоватая кожа, словно мальчишка месяцами не видел солнечного света. Отрастающие темные волосы казались тенью на его бритой голове. Толстые марлевые повязки скрывали синяки на внутренней стороне предплечий и ладонях.

«Он болен», – догадалась девочка. Или *был болен*, если попал сюда только сейчас.

Теперь ее еще больше бесили издевательские смешки и все больше нравился этот мальчик – потому что никак на них не отреагировал. Глаза Лоры встретились с его темными глазами, и она пристально всматривалась в них. Мальчик выглядел измученным, но он был здесь, даже если остальные явно считали, что ему здесь не место.

– Твоим *гетайросом*³³ пока будет Кастор, – холодно произнес тренер. – Но он будет обучаться у целителей, поэтому не всегда сможет тренировать тебя. В его отсутствие просто наблюдай за другими. Пока что вы с ним... друг друга стоите.

Остальные снова покатались со смеху. Неужели они считали, что Лора обидится из-за того, что ее поставили тренироваться с тем, кто еще не оправился после болезни? Или Кастора заденет то, что ему дали в напарники чужака из Дома Персея?..

«Дома всегда соперничают», – размышляла Лора. Но между ней и Кастором ничего подобного не будет. У нее

³³ Гетайрос – в переводе с древнегреческого «друг», «товарищ», «партнер».

появился партнер! Кровь Лоры забурлила, и она с вызовом вздернула подбородок. Они понятия не имели, на что она способна и какова ее судьба, но она не опозорит свой род, не подведет своего *гетайроса*.

Лора кивнула Каस्तору, и тот кивнул в ответ – его взгляд был мягким, но в нем сквозили упорство и несгибаемость. Мальчик ей нравился. Его спокойствие заставило и ее успокоиться.

Единственным предупреждением стал порыв ветра, от которого зашевелились ее волосы...

Она качнулась вперед от резкой боли в шее. Дети окружили ее и тыкали в нее посохами, не выпуская за пределы круга. Следующий удар прилетел справа, потом слева. Лору бросало из стороны в сторону.

Резко выдохнув, Кастор вскинул руку, попытавшись заблокировать одного из мальчишек, но тот ударил его посохом по лопаткам.

«Не упади, – внушала Каस्तору Лора, стараясь поймать его взгляд. – Не упади».

Все это было частью обучения. Мучительной, но необходимой. Удары сыпались на них, безжалостные и сокрушительные. Лора пыталась глотнуть воздуха, чтобы сдержать рвущийся наружу поток слез. Тычки и боль чередовались, как обезумевшие волны. Она снова оглянулась и увидела, что Кастор смотрит на нее.

– Это самый важный урок, который вы здесь получите, –

говорил тренер. – Вы должны научиться не бояться боли, иначе она парализует вас и лишит мужества. Страх – ваш злейший враг.

Взгляд Лоры начало заволакивать чернотой, лица вокруг расплывались, двоились, троились, как головы Цербера.

Ты – дочь Персея.

Подобный эху голос матери прозвучал в ее голове, когда кто-то ударил ее посохом за правое ухо. Лора прикусила щеку, рот наполнился кровью.

Кастор спотыкался, дрожал от слабости и пытался удержаться на ногах. Он опять посмотрел на Лору и заставил себя выпрямиться, как это сделала она.

«Не упади», – мысленно взмолилась Лора.

«Не упаду», – пообещал его взгляд.

Если не упадет Кастор, не упадет и Лора.

– Боль – это сама суть жизни, – звучал голос тренера. – Мы рождаемся в боли, и, если вам суждено стать охотниками, если вами движет желание почтить предков, в этой боли вы и умрете.

«Я не умру, – упрямо подумала Лора, когда чернота в глазах сгустилась еще больше. Она снова посмотрела на Кастора, буквально цепляясь за него взглядом.

– Вы появились в вашем роду благодаря отцу и матери, – продолжал инструктор, – но не они ваша семья. Те, кто вас окружает, – вот ваши братья и сестры. Ваш архонт – ваш хранитель, ваш свет и лидер. Он ваш *патерас* – настоящий отец.

Ради него вы познаёте боль. Ради него истекаете кровью.

Лора сплюнула кровь, едва не подавившись. *Ее* архонтом был ее отец.

– Вы будете бороться за *арете*, но нет смерти более достойной, чем смерть воина, который обрел бессмертие *клеоса* для себя и своей семьи, – провозгласил инструктор. – Честь. Слава.

Остальные – все, кто находился в зале, – повторяли за ним:

– *Честь.*

Удар.

– *Слава.*

Удар.

– *Честь.*

Удар.

– *Слава.*

«Они не знают, – говорила себе Лора. – Они не знают, какова твоя судьба».

Она обретет честь и славу. Заслужит *клеос* и восстановит свой Дом. Нет цели важнее. Дом Персея возродится, ее имя станет легендой.

Кастор попятился в ее сторону, его била дрожь. В промежутках между ударами, Лора видела, как он сопротивляется и как презрительно усмеваются его противники, глядя на него. Сопли и кровь стекали по его лицу, и он часто моргал, чтобы слезы не застилали глаза. Лора схватила его за

запястье, помогая удержаться на ногах. Они не упадут. Вместе они проявят себя. Докажут, что заслуживают того, чтобы находиться там.

Когда на них обрушился следующий удар, Лора уже знала, как стереть веселье с этих лиц.

– Спасибо, – проговорила она. И повторяла это снова, с каждым треском дерева о ее плечо, голень, колено. – Спасибо. Спасибо. Спасибо.

– Спасибо, – вторил ей Кастор. – Спасибо.

Снова и снова звучало это слово, пока их голоса не охрипли, а удары не замедлились и, наконец, не прекратились. Инструктор поднял кулак, и мучители отступили назад.

Лора осознала, что все еще держит Кастора за запястье, но боялась отпустить его.

– Достаточно. Умойтесь и переоденьтесь, – донесся до них голос тренера. – Для всех остальных: мы начинаем с первой позиции.

Лора и Кастор захромали к двери. Лора поднялась за ним вверх в раздевалку. Там они нашли красную ткань для хитонов, сложенную аккуратными стопками по размерам, и каждый выбрал подходящую для себя.

Вдоль стены тянулись длинные раковины, а в задней части раздевалки находились душевые кабины. Лора схватила мочалку и, намочив ее, принялась смывать кровь с лица Кастора. Он же осторожными прикосновениями оттирал красные следы с ее лба, щек, подбородка.

Их взгляды встретились, и оба они улыбнулись.

Нет.

Это слово стучало в ушах, колени Лоры подогнулись. Хорошо, что спина успела обрести опору – прислониться к зеркальной поверхности стены.

– Кас... – простонала Лора, соскальзывая вниз.

Его тело было мощным, но в манере держаться не было жесткой уверенности Афины или ледяной сдержанности Филиппа и Аканты. В ней чувствовалась та же неловкость, которую Лора заметила во время их поединка. Застывший и напряженный, словно его мышцы натянулись подобно тетиве, ее друг шел к алтарю.

Кастор – *новый Аполлон* – казалось, сосредоточился на том, чтобы выглядеть расслабленным и уверенным, держать голову высоко, но время от времени опускал взгляд, словно боялся споткнуться. Пальцы рук сгибались и разгибались по одному, и это повторялось снова и снова.

Лора боялась дышать. То, что она увидела, сокрушило ее. Переливающаяся шелковая ткань его хитона – дар клана, – была расшита золотыми символами его новой божественной сущности. Плечо и часть гладкой мускулистой груди оставались обнаженными, на руках – блестящие перчатки, ноги оплетены ремнями сандалий. Золотой лавровый венок венчал каштановые волны его волос.

На лице нового бога не осталось и следа той дразнящей усмешки, с которой он смотрел на Лору во время их схватки. Оно не выражало никаких эмоций. И если бы она не заметила беспокойство, мелькнувшее в его глазах, то, возможно, вообще не узнала бы его.

«Но это не Кас», – напомнила она себе. Уже нет. Кем бы он не был, кем бы не стал, теперь он совсем другой.

И как это она раньше не сообразила? И, сражаясь, не заметила его потрясающую физическую форму? А ведь когда-то и чистокровные целители, и обычные врачи в один голос твердили, что смерть может забрать его в любой момент. А искры силы в его темных глазах Лора и вовсе приняла за отражение мерцающих лампочек. Убедила себя в том, во что могла поверить. Увидела призрак вместо бога.

Маска удерживала горячий воздух, выходявший из ее легких, лицо обдавало жаром, и Лора почувствовала, что задыхается. словно почувствовав, что она рядом, новый бог сделал движение в сторону Лоры, но его остановили.

– Мой господин, – позвал Филипп, и Кастор повернулся к Филиппу и Аканте, стоявшим по обе стороны трона. – Мы можем начать? Солнце как раз в зените, ярко сияет для тебя.

– Конечно, – спохватился новый бог и добавил уже более уверенно и твердо: – Мои извинения.

«Как? – Лора по-прежнему ничего не понимала. – Как все это возможно?»

Во время последнего Агона Кастору было всего двена-

дцать. Он точно не мог убить одного из последних старых богов. Это какая-то ошибка. Должно быть ошибкой.

«Но все же это правда», – прошептал голос в ее сознании. Тогда зачем Кастор появился в том клубе? Как Ахиллиды выпустили его из поля зрения после того, как защитили во время Пробуждения?

Однако увидев, как Филипп предлагает Кастору занять место на троне, Лора вдруг запаниковала. И в позе, и в интонациях Кастора сквозило какое-то напряжение... Это было *что-то*... Лора впиалась глазами в старого архонта, пока новый бог приближался к нему. Слова Кастора вспыхнули в ее голове, как будто он только что прошептал их ей на ухо: «Что-то происходит. Не знаю, кому я могу доверять».

И его отец почему-то так и не появился в зале. И, кстати, Эвандер тоже.

«Филипп собирается его убить», – догадалась Лора. Кем бы ни был Кастор, богом или смертным, он обречен. Он нарушил клятву, данную своему архонту, и пролил кровь, которую не должен был проливать.

Так вот ради чего все это затевалось? Эта иллюзия должна была заманить жертвенного тельца к алтарю. Его принесут в жертву, чтобы Филипп забрал эту силу себе? И Кастор знал это. Не мог не знать.

За сотни лет, которые длился Агон, кланы не раз безжалостно расправлялись со своими членами, невзирая на родственные связи. И все ради того, чтобы отнять силу даже у

тех, кого когда-то любили, о ком заботились. Правда, немало было и тех, кто отказывался проливать кровь родных, страшась проклятия, которое падет на его голову. Тот, кто поднимал руку на ближнего, редко доживал до старости.

Но клан уважал Филиппа Ахиллеоса и служил ему гораздо дольше, чем новому богу, который когда-то считался слабым и обузой. Найдутся ли у него здесь верные союзники? Полная ужасных предчувствий, Лора нащупала в кармане отвертку.

Кастор приближался к трону, поглядывая на девочек, собравшихся вокруг бассейна. Трон сверкал, будто от восторга при виде хозяина.

Когда нужно было уничтожить соперника и врага, древние проявляли пугающее хитроумие. Лора снова перевела взгляд на сияющий символ власти, и в ее сознании промелькнуло множество способов сделать его смертоносным для смертного бога. Яд могли подмешать в золото – так же в давние времена тунику Геракла пропитали кровью кентавра Несса. Или лезвие могло быть спрятано внутри какой-нибудь пластины, готовое вонзиться в его плоть.

Но если Филиппу хочется получить силу Кастора, он должен сам нанести смертельный удар. Лора тряхнула головой, попыталась расслабить плечи, которые сводило от напряжения. Нет, архонт не стал бы этого делать здесь, на глазах у всех.

Лицо Филиппа оставалось спокойным, но Лора чувство-

вала в этой сдержанности скрытое презрение. Филипп и Аканта первыми опустились на колени перед Кастором. Филипп заговорил на древнем языке – мелодичном, как река, впадающая в великое море.

– Чтим тебя, Лучезарный, и благодарим за то, что ты направляешь солнце по небосводу. Возничий, убийца змей. Лучиший в стрельбе и делах: насылающий чуму, исцеляющий людей; слагающий песни, стихи и гимны, пророк, отвратитель зла, повелитель ярости...

– Да-да, – небрежно перебил его Кастор. И это было так не похоже на *того* Кастора. – Думаю, этого вполне достаточно.

Лора остолбенела. И если бы вокруг не воцарилась тишина, она бы наверняка расхохоталась. Выражение лица старого архонта было бесценным.

– Мы... – он начал снова, поглядывая на Кастора. Подперев подбородок ладонью, новый бог облокотился о бархатный подлокотник своего трона и, приняв скучающий вид, взмахом другой руки призвал продолжать.

Отличительной чертой прежнего Кастора было уважение, с которым он относился к другим. Он не был трусом, но никогда не бросал вызов первым. И если уже кому можно было не опасаться, что новообретенная божественность ударит в голову, так это ему.

Это он. Это должен быть он.

«Довольно об этом», – оборвала себя Лора, прижимая руку к груди. Власть была и останется величайшим наркотиком

всех времен.

– *Приветствуем твое возвращение в смертную колыбель, которая родила тебя. Чтим тебя и просим и впредь защищать Дом могучего Ахилла, – снова заговорил Филипп. – В знак благодарности моя жена Аканта, дочь...*

– Я знаю, кто твоя жена, – опять прервал его празднословие Кастор. – К счастью, я не потерял разум вместе со смертностью, хотя ты заставляешь меня в этом сомневаться.

Охотники перешептывались, обмениваясь взглядами, полными непонимания и замешательства. Филипп все еще стоял на коленях, но его руки сжались в кулаки.

– *В благодарность мы устроим священное жертвоприношение вокруг великого алтаря, который возвели для тебя на землях наших предков, –* глухим голосом закончил он.

Лора нахмурилась. Сотни голов скота, забитых для ритуального жертвоприношения. Зачем такое расточительство? Лицо Кастора даже не дрогнуло.

– Я бы предпочел, чтобы ты отдал мясо голодающим этого города, – произнес он ледяным тоном.

На другом конце комнаты послышался резкий вздох. Лицо Филиппа покраснело от сдерживаемого гнева. Его подбородок дрожал, как будто он пытался заставить себя продолжать. Он наверняка уже забыл, когда с ним в последний раз говорили подобным тоном. И Лора решила насладиться этим зрелищем еще немного.

– *Мы также предлагаем это выступление и песнь, сочи-*

ненную в вашу честь, – постаралась сгладить неловкий момент Аканта.

Уловив намек, маленькие Музы поднялись. Снова зазвучала лира, полилась безмятежная и радостная мелодия. Девочки запели, исполняя тщательно отрепетированный танец. Но когда они украдкой взглянули на нового бога, их движения стали скованными и неловкими.

Кастор ободряюще улыбнулся им, но его улыбка померкла, когда он увидел, что одна из девочек – Каллиопа – заплакала. Они были совсем маленькими – младше, чем Лора, когда та впервые переступила порог Дома Фетиды. Воздух в ее легких превратился в огонь, когда девочка заплакала громче. Слезы катились по лицу Каллиопы, и она отчаянно пыталась попасть в ритм, понимая, каким суровым будет наказание.

Когда представление подошло к милосердному концу, Кастор не стал аплодировать вместе с охотниками. Он лишь кивнул, и его темные глаза снова обратились к Филиппу. Старик щелкнул пальцами, подавая знак девочкам, и те выстроились в ряд.

– Перед тобой... прекраснейшие из наших *parthénoi*³⁴, – сказал Филипп, с трудом выговаривая слово «прекраснейшие». – Если одна из них тебе по нраву, можешь сделать ее своим оракулом. Или любовницей, как только прольется их первая кровь.

Впервые в жизни Лора задалась вопросом, где бы раздо-

³⁴ Парфенос, или парфена (древнегреч.) – незамужняя дева.

быть отравленную рубашку и насколько хорошо сохранится яд в подарочной упаковке, если отправить Филиппу Ахиллеосу посылку по почте.

Парфены – молодые женщины, которые никогда не участвовали в Агоне и не становились «львицами», охотницами в своем клане. Их предназначение состояло в том, чтобы рожать как можно больше детей, обеспечивая продолжение рода. Стать одной из них, не быть допущенной к участию в Агоне, когда-то было самым большим страхом Лоры, пока она не узнала, что есть много других причин бояться.

«Пленницы», – подумала она, и ядовитая желчь заструилась по ее венам. Вот кто эти девочки. И никем другим им не позволят стать. Лора уже представила себе, как прорывается сквозь толпу охотников, чтобы добраться до девочек и увести их отсюда, убересть от новых обид. Но тут заговорил новый бог.

– Они очаровательны, – мрачно произнес Кастор. – Но я запрещаю тебе предлагать их кому-либо из этой семьи – или любой другой. Когда они достигнут совершеннолетия, они сами выберут себе партнеров.

Ярость, обручем сжимавшая грудь Лоры, стихла.

– Мой господин?.. – В изумленной тишине прозвучал голос Филиппа.

– Подло принуждать девочек к замужеству. Они должны учиться и играть. Мы уже давно прекратили готовить мальчиков в женихи. Все дети должны быть защищены от этого. –

Голос Кастора звучал все громче. – Ты – архонт этого дома, *патерас*, но я его *бог*. Если ты желаешь получить мое благословение, исполни то, о чем я прошу тебя.

Лора почувствовала, как в ее душе вспыхнул первый луч надежды... и тут же погас, когда она увидела реакцию охотников – огорчение, гнев, замешательство. Одно дело, когда тебя боятся и почитают, и совсем другое, когда тебя боятся и осыпают бранью. Единственное, что охотники ставили ниже бесчестья – это перемены.

Аканта, схватив мужа за руку, увлекла его назад. Лора подзревала, что она не очень-то возмущена тем, каким тоном Кастор говорил с ее мужем. Однако ужасный брак, связавший ее по рукам и ногам, не позволял это показывать.

– Лучезарный, – заговорила Аканта, – мы хотели бы узнать, как лучше почтить тебя. Ты решил не появляться перед нами, поэтому мы не смогли создать картину или скульптуру с твоим изображением. Поместье, которое мы построили для тебя в горах, все это время стояло пустым, твои дары остались нетронутыми. Если ты желаешь получить что-либо от нас, только скажи.

Что? Лора встала на цыпочки, пытаясь разглядеть лицо Кастора. Новые боги позволяли узнать о том, какое обличье они приняли, так быстро, как только могли, чтобы пользоваться всеми благами бессмертия.

– Разве мои дары не удовлетворили вас? – спросил Кастор, опускаясь на свой трон.

– Они великолепны, – терпеливо продолжила Аканта. – Но мы хотим доставить удовольствие и тебе. Если ты да- руешь нам знание, какой титул следует добавлять к твоему имени, мы сможем совершать великие дела под твоим небес- ным покровительством.

После слов Аканты резкости в поведении Кастора как буд- то стало меньше. Он откинулся на спинку трона, словно об- думывая ее слова, затем снова перевел взгляд на Филиппа.

– Приблизься ко мне, архонт Дома Ахилла, – прогово- рил Кастор. – Я окажу тебе честь, первому назвав выбранное мной имя.

Старик немного успокоился. Кастор подождал, когда тот склонится к нему, и вдруг объявил так громко, что услышали все:

– Я буду известен как Кастор.

И тут Филипп взорвался:

– Ты должен выбрать имя! Этого требует традиция! Ты не можешь сохранить свое смертное имя!

Кастор перешел от поддразниваний к открытым издева- тельствам. Его ровный тон и улыбка все больше бесили ста- рика.

– Я желаю называться так в честь смертной матери, кото- рая дала мне это имя. Может, существует какое-то неведо- мое мне правило? Или ты сомневаешься в моем решении, или в том, достаточно ли хорошо это имя для меня?

Лора с трудом переводила дух. *Ты что, хочешь, чтобы*

тебя убили?

– Конечно, – продолжал Кастор, – ты можешь и впредь называть меня *своим господином* или *Лучезарным*. По особому случаю я даже откликнусь на *Ваше Высокпревосходительство*.

Признательность и досада боролись в душе Лоры. Они с Кастором оба ненавидели Филиппа за то, что он всегда насмехался над ними – еще до того, как архонт ответил отказом на просьбу оплатить лечение Кастора. Кастору предстоит лет десять избавляться от накопившегося в нем гнева. Вот только унижение архонта и месть Дому вряд ли тут помогут.

– Мы чем-то не угодили тебе? – спросил Филипп нового бога. – Разве мы не проявили должного уважения?

– Я удовлетворен, – коротко ответил новый бог.

«Весь смысл в том, чтобы оставаться в живых, идиот!» – мысленно прокричала Лора.

И Кастор, будто услышав ее, снова смягчил тон:

– Раз уж этот вопрос решен, расскажи, как обстоят дела в Доме Ахилла и какой милости ты ожидаешь, архонт.

Филипп шумно вздохнул и расправил плечи.

– Вам будет приятно узнать, мой господин, о тех, кто родился в те семь лет, что последовали за вашим вознесением...

Краем глаза Лора заметила, что по лестнице торопливо спускается запоздавший гость – Эвандер. Он протиснулся сквозь толпу, левой рукой поправляя свою серебристую шел-

ковую тунику. Другую руку – в черной перчатке – он прижимал к животу.

«Вот черт!» – мысленно выругалась Лора.

Ван на свою беду был слишком умен и абсолютно ничего не упускал. Даже ястреб поверил бы Вану, а не своим глазам. А это значит, что ей нужно было уйти еще пять минут назад.

Кастор тоже увидел его и на мгновение встретился с ним взглядом, прежде чем снова переключить внимание на Филиппа, который упорно продолжал докладывать о браках, смертях, семейных владениях и деловых предприятиях.

– Твои лекарства и вакцины получили быстрое одобрение федеральными властями, и мы ожидаем, что серьезная прибыль начнет поступать в начале следующего квартала, – бубнил Филипп. – Я уверен, что это лишь начало, и мы можем многого достичь, если ты, воспользовавшись своей властью, увеличишь спрос.

Кастор подался вперед и, нахмурившись, слушал.

– Прошу тебя, *Лучезарный*, об одной услуге: чтобы ты, когда вернешься в свою полную бессмертную форму и силу, создал болезнь, которую сможем вылечить только мы.

Лора стиснула зубы, стараясь удержать рвущиеся наружу слова.

– Смертей не должно быть много, – продолжил Филипп, явно подбодренный нарастающим шумом голосов, возбужденных перспективами. – Нескольких тысяч достаточно, чтобы обеспечить глобальный спрос...

– Нет, – едко произнес Кастор. – Не в моей власти насы- лать болезни или недуги, и я бы не сделал этого, даже если бы мог. Я приложу все силы к тому, чтобы служить этому Дому. Но повелителем смерти или ужаса не стану.

Филипп отшатнулся.

– Мой господин...

– Я уверен, – продолжал Кастор тем же резким тоном, – что никому не нужно напоминать, как начался Агон и поче- му Зевс отказал Аполлону и его преемникам в такой власти. И мне не нужно напоминать вам о многих ужасных болезнях, которые уже существуют в этом мире. Так что вы могли бы, например, спросить меня, что я сделал для тех, кто страдает той же болезнью, какой страдал и я в своей смертной жизни, и как продолжить начатое мной дело с помощью лекарств, поставляемых по разумной цене.

Аканта поклонилась.

– Это мудрый курс. Я буду рада возглавить подобное пред- приятие.

Старые боги были чудовищами: эгоистичными, тщеслав- ными, снедаемыми жадной насилья. Оглядывая толпу, видя разочарование и гнев в глазах охотников, Лора почувствова- ла предвестие чего-то более мрачного.

– Эвандер, сын Адониса. – Кастор обратил взор к темно- кожему молодому человеку. – Чем завершился Агон? Тебе удалось договориться о наших погибших?

Эвандер подошел к бассейну и опустился у трона на ко-

лени. Что-то мелькнуло в лице Кастора, его губы приоткрылись, но Ван заговорил первым.

– Я обязан сообщить о смерти бога Гермеса...

Охотники не дали ему договорить. По залу прокатился рев, с каждой секундой становившийся громче. Руки Лоры безвольно повисли, пальцы онемели.

Теперь Афина и Артемида – последние из изначальных богов. И другая, еще более мрачная мысль посетила ее: «Я должна ей рассказать». И если Лора сейчас же не поспешит на поиски того, кто сможет помочь Афине, Артемида довольно скоро останется в этом списке одна. Но все же это была... полезная информация.

– Кто взял на себя ответственность за это убийство? – потребовал ответа Филипп.

Ван всегда отличался удивительным спокойствием, даже перед лицом плохих новостей.

– Новый Арес, он выбрал имя Рат, – с невозмутимым видом произнес он.

Шум опять усилился, пульсируя новой, иной яростью.

– Он убил его, зная, что не сможет претендовать на его силу?! – взорвался Филипп.

– Ты в этом уверен? – спросил Кастор.

– Мои дроны зафиксировали момент смерти, – ответил Ван. – Это еще не все. Кадмиды забрали и Тайдбрингер тоже. По залу прокатился еще один вздох.

– Живую или мертвую? – прозвучал голос Кастора.

– Она была жива, но в почти безнадежном состоянии, – сказал Ван. – Мои источники сообщают, что Рат хотел получить от нее какую-то информацию, но Тайдбрингер так и не очнулась, и он прикончил ее уже в их лагере.

Лора почувствовала не то чтобы грусть, а скорее холодное осознание того, что теперь она – последняя из Дома Персея. Ее предки, должно быть, выли от горя в подземном мире.

– Что он хотел у нее выведать? – спросил Кастор.

– Я выясняю, – ответил Ван и многозначительно добавил: – Но, возможно, именно то, что мы обсуждали раньше?

Лора подумала, что речь идет о новой версии предания, но потом она вспомнила, что прошептал ей Кастор во время их поединка: «Он что-то ищет, и я не знаю, связано ли это с тобой».

Нет, не может быть. Тайдбрингер не было известно, где Лора скрывается, или через кого ее можно разыскать.

– Он пытается запугать другие Дома, – громко заявил Филипп, привлекая внимание толпы своей горячностью. – Но мы не из пугливых.

Ван ничего не сказал, но выразительно посмотрел на Кастора.

– Думаю, дело не только в этом, и нужно быть настороже. Дом Тесея официально объединился с Домом Кадма. Они находятся под властью Рата.

– Что?! – рявкнул Филипп, перекрывая нарастающий гул голосов.

– Во время последнего Агона Дом Тесея потерял большую часть своих парфен, после того как Артемида обнаружила их укрытие, – заметил Ван. – Вы же помните?

У Лоры скрутило живот. Десятки маленьких девочек были убиты богиней, которая раньше была их защитницей и покровительницей.

– Шпионы сообщили мне, что помимо щедрой финансовой компенсации, – продолжил Ван, – Рат пообещал им женщин для брака и защиту в обмен на верность.

– Труссы! – выкрикнул кто-то рядом с Лорой.

– Тихо! – приказал Филипп. – У них нет нового бога-защитника, как у нас.

Если бы Лора не следила за реакцией Кастора, то, возможно, пропустила бы этот момент: его лицо исказилось, подбородок задрожал, и Кастор, закрыв глаза, вцепился в подлокотники трона.

– Мой господин, – начал Ван. – Могу ли я...

Изображения в зеркалах вдруг задрожали. Лора отпрянула от стены, сердце едва не выскочило из груди. Скрытые динамики, из которых доносился далекий шум волн, вдруг разразились грохотом барабанов. Ахиллиды вздрогнули, бросились врассыпную.

– Что происходит?! – взревел Филипп, пытаясь перекричать грохот. – Кто-нибудь, выключите их!

Зеркала еще раз вспыхнули и почернели, лишь две шеренги из огненных горшков освещали дорожку, ведущую к

лестнице. Барабанный бой смолк так же внезапно, как и начался. Кастор поднялся. Он как будто уже знал, что произойдет дальше.

В центре каждого зеркала росла искра красного цвета, расплескиваясь по экранам, пока вся комната не оказалась затоплена этим сиянием.

– *Ахиллиды*, – раздался глубокий скрипучий голос. Кажется, он течет прямо из динамиков: – *Ахиллиды, услышьте меня.*

Страх, охвативший Лору, разрывал ее изнутри. На коже выступил пот, холодный, как пальцы Танатоса³⁵.

Воздух взорвался от безумных криков. Одни охотники бросились к выходу, но, не добежав, рухнули на пол. Другие падали там, где стояли, будто капли дождя, их шелковые одежды растекались по полу, как разноцветные лужи. Люди цеплялись за колонны и друг за друга, пытаясь подняться. Кто-то пытался дотянуться до кинжалов, спрятанных в складках одежды.

Лору предало ее собственное тело. Ноги не слушались, отказываясь сдвинуться с места. Она в ужасе упала на полированный пол. Тело будто съежилось, стало невесомым. У нее не было сил даже поднять голову.

Аристос Кадму – *Pat*.

Так проявлялась его сила, одна из многих. Лора ухватилась за эту мысль, вцепилась в нее, пытаясь справиться с паникой, пока совсем не лишилась способности мыслить. Новый Арес мог вызвать в ком-то жажду крови, но мог и лишить жажды жизни, подчинив себе чужую волю и лишив сил.

Лора попробовала вытянуть ноги, но они не слушались. Собравшись с силами, она подняла голову, ища Кастора гла-

³⁵ Танатос в греческой мифологии – божество, олицетворение смерти.

зами. Он стоял все там же, возле трона, невозмутимо наблюдая за мечущейся толпой. Когда распростертая на полу Аканта застонала, он подошел к ней и попытался поднять. Его ладони светились, но Аканта бессильно повисла в его руках.

Теперь на лице Кастора появились беспокойство и страх. Лора услышала его мысли, как если бы он прокричал вслух: «Что мне делать? Что мне делать?!» И она вдруг поняла: Рат хотел, чтобы Кастор все это видел. Чтобы знал, что произойдет дальше.

В динамиках снова раздался голос Рата:

– *Приветствую тебя, Кастор Ахиллеос, и твою семью.*

– К чему это было? Мы все понимаем, насколько ты силен, – резко ответил Кастор. – Скажи, чего ты хочешь.

Лора вдруг почувствовала, что к ней постепенно возвращается контроль над телом. Охотники вокруг кричат и пытаются подняться – Рат ослабил свою мощь.

– *Я предлагаю тебе клеос, – сказал Рат. – Преклони колени, юный бог. Используй свою силу по моему приказу, и Дом Ахилла не будет разрушен. Откажешься – и все, начиная с тебя, умрут от моего клинка.*

– Пустые угрозы, – прошипел Филипп, вскакивая на ноги. – Мы ответим ударом на удар.

– *Ты позволяешь смертному говорить за тебя, юный бог?* – возмутился Рат. – *Я предлагаю всем желающим место в мире, который грядет, который мы создадим вместе – ме-*

сто власти и невообразимого богатства. Агон закончится, но все, кто служит мне, будут вознаграждены.

Лора с трудом встала, опираясь на один из перевернутых столов.

Кастор вцепился в спинку золотого трона, его веки начали опускаться, но он заставил себя смотреть прямо и твердо.

– Ахиллиды не служат никому.

– *Это твой ответ?* – заключил Рат. – *Да будет так.*

– Выключите их! – крикнул Филипп. Он схватил огненный горшок и швырнул в ближайшее зеркало. – Вырубите ток!

– *Ваш новый бог обижен на вас,* – продолжил Рат, обращаясь теперь к охотникам. – *Он слаб, слабейший из богов. Не способен проявить физическую форму. Не в состоянии почувствовать всю мощь своей силы. Я буду заботиться о вас и служить вам так же, как вы будете служить мне. Буду упиваться вашим почтением, поделюсь с вами силой и могуществом. Только я могу защитить вас. Только я могу освободить вас.*

– Дом Ахилла не уступит, – твердо заявил Филипп. – Ты – трус, который прячется за ширмами. Ты защитишь их? Тебе даже не хватило благородства вернуть наших мертвых.

Охотники в знак согласия затопали ногами, издавая свирепый рев. Экраны снова замерцали, и пульсирующий багровый цвет сменился чем-то более жутким. Перед присутствующими предстали ряды отрубленных голов, выброшен-

ных в мусорную канаву – вместо глаз вставлены серебряные монеты. Челюсти вывернуты, рты распахнуты в посмертном оскале в насмешку над масками Ахиллидов.

Филипп и еще несколько охотников разбили оставшиеся зеркала, но было уже слишком поздно.

– *Приди и забери их.* – Голос Рата прерывался из-за помех на линии. – *Ты сам очень скоро к ним присоединишься.*

Рат объявил Дому Ахилла войну. Лора воспользовалась суматохой и сбежала. Она пробилась сквозь толпу Ахиллидов и ринулась к лестнице. У нее оставались считанные минуты, чтобы выскользнуть наружу, пока не перекроют все выходы. Нужно вернуться к Афине. Найти для нее целителя и рассказать обо всем, что случилось.

Но Кастор...

Лора бросила взгляд на нового бога и не была удивлена, увидев его в окружении вооруженных охотников. Белый как мел, он слушал, как один из них приглушенным голосом отдавал приказы, указывая в другой конец комнаты.

«Он мог бы ее вылечить», – подумала Лора. Она только что услышала подтверждение, что Кастор унаследовал силу Аполлона. И это было бы самым простым решением самой неотложной из ее проблем.

Нет, Лора не могла привести Кастора к себе. Причины очевидны, но от этого не легче. Афина не оставит в живых убийцу своего брата, да и незаметно вывести нового бога из Дома Фетиды тоже не представлялось возможным – Ахиллиды пустились бы в погоню и могли проследить их до самого дома. Майлз, Кастор, Афина – над ними и так нависла смертельная угроза, разоблачение же означало мгновенную гибель.

В Доме своего клана Каस्तору гарантирована защита – даже при том, что рядом остается Филипп, даже после того, как Рат объявил Ахиллидам войну. И пусть Рат обвинил Кастора в слабости, в том, что он не сможет защитить Ахиллидов, именно вмешательство нового Ареса спасло нового Аполлона. Охотников всегда отличала чудовищная гордость, и Ахиллиды не были исключением. Они ни за что не откажутся от своего нового бога и лучше погибнут, чем подчинятся чужаку.

Лора в последний раз оглядела зал, мысли в ее голове лихорадочно метались.

«Не подведите меня, придурки, – прорычала она. – Не дайте ему умереть».

Ван оторвался от разговора с Акантой и направился к Каस्तору, быстро сокращая расстояние между ними. Он пронесся мимо Лоры так близко, что она почувствовала запах его одеколона с нотками апельсина и сандалового дерева, и с трудом удержалась, чтобы не вцепиться в него.

Прошло так много времени с тех пор, как они виделись в последний раз. Они тогда были детьми, носились по городу как угорелые. И если Кастор всегда был открытой книгой, счастливой от того, что ее читают и понимают, Ван оставался дневником, закрытым и спрятанным под матрасом – за исключением тех моментов, когда он обвинял Лору в том, что она втягивает Кастора в неприятности, вовлекает в опасные, по мнению Вана, затеи. Опасными Ван считал практически

все развлечения.

Вообще-то Лора предпочитала никому не доверять. Ее расположение было чем-то вроде вещицы, которую одалживают редко, и никогда – бесплатно. Она знала, что преданность Вана семье всегда будет выше их так называемой дружбы, и решила, что сама найдет возможность выбраться из Дома Фетиды, как делала это всегда.

Она заторопилась наверх, возвращаясь тем же путем, которым попала сюда, с каждым мгновением чувствуя, как нарастает тревога. Невыносимая тяжесть сдавливала грудь. Лора с трудом преодолела последние ступени и едва не задохнулась, когда снова нахлынула паника.

Рат.

Его голос эхом отозвался в ее израненной душе, вызывал из небытия образы родителей и сестер, все, что она годами пыталась наглухо замуровать в памяти.

Если Дом Тесея вступил в союз с Ратом, снова будут сотни погибших. Старая богиня Афина до него не доберется, а, значит, не выполнит свою часть клятвы. Эта мысль обожгла Лору.

«На самом деле все гораздо хуже», – внезапно осознала она. Если Рат прокладывал себе путь к абсолютной власти, уничтожая старых и новых богов, его охотники будут безжалостно преследовать Афину. Аристос Кадму никогда не ставил перед собой мелкие или мирные цели. Он убирал врагов с игрового поля, и какие бы планы он ни вынашивал, эта

война затянется надолго.

И Кас...

Так мало ниточек связывало Лору с прошлой жизнью, что возможность найти еще одну действовала на нее как мощный наркотик, пусть она даже не готова было это признать. Она перестала верить в Мойр еще много лет назад, но так ясно видела в своем сознании блеск их мечей, радостно рубивших всё и вся, пока у нее не осталось ничего и никого.

– Возьми себя в руки, не будь размазней, – пробормотала Лора. В самом деле, у нее здесь настоящий дом, хорошая и достойная жизнь. У нее есть Майлз, он ждет ее возвращения, охраняет богиню, которая не отказалась бы покрыть себя его кровью.

Но она мечтала о том единственном, кто всегда мог успокоить ее, разгневанную или напуганную. Она хотела того единственного, на кого всегда могла положиться, зная, что он рядом. Она хотела Кастора.

Лора закусила губу, пытаясь проглотить комок в горле. Она нашла комнату, через которую вошла, и дернула за ручку двери. Та качнулась, но не сдвинулась с места.

– О, прекрасно, – проворчала Лора и попробовала еще раз, толкнув сильнее. – У меня нет на это времени.

Откинув полу накидки, она полезла в задний карман шорт за куском пластика, чтобы открыть замок. Но в кармане было пусто.

Проклятье.

Должно быть, Лора обронила его, когда протискивалась в балконную дверь, или забыла, когда переодевалась.

Свечи в коридоре догорали, отбрасывая тусклый свет. Запахи дыма и горячего воска смешивались с благовониями, все еще поднимавшимися снизу. Лора облизнула пересохшие губы, пытаясь оценить свои возможности. Она смертельно устала и плохо соображала. Она двинулась по коридору, дергая одну дверную ручку за другой. Еще одна. И еще...

– Конечно, я понимаю, – донесся с лестницы чей-то голос, потом раздался звук тяжелых, быстрых шагов. – Нарушение безопасности... я беспокоюсь...

Лора мысленно выругалась и бросилась к очередной двери, на ходу придумывая тысячу ответов на вопрос, что она тут делает. *Зашла посмотреть, все ли в порядке; показалось, что тут шумели; забирала сумочку; хотела побыть одна...*

Ни одно из них не понадобилось. Последняя дверь в коридоре – та, что с кодовым замком, – оказалась приоткрытой. Тяжело дыша под плотной маской, Лора скользнула внутрь и плотно закрыла за собой дверь.

Свет в комнате не горел, но сквозь тонированное слуховое окно проникало достаточно солнца, чтобы полностью ее осветить. В центре между двумя замурованными окнами стояла впечатляющих размеров кровать с балдахином из белого шелка. Одну стену занимал шкаф, расписанный выцветающей пасторальной сценой со стадами и пастухами. Похоже, его несколько веков передавали из поколения в поко-

ление. Плюшевые подушки были разложены на полу, повторяя рисунок – лепестки цветка, и повсюду были расставлены причудливые канделябры.

В воздухе все еще витал запах свежей краски, и ковры выглядели девственно чистыми – наверное, совсем новые. Лора предположила, что это спальня Филиппа и Аканты, недавно отреставрированная, чтобы принять их на время Агона.

На кровати что-то зашевелилось. В изножье спал огромный лохматый пес. Похожая на медвежью морда, кончики длинных ушей, черная шерсть на спине и боках были припорошены белым, словно пес только что вернулся с прогулки по заснеженному Центральному парку.

Тонкая струйка слюны стекала из его пасти на шелковое покрывало. Большие глаза открылись. Пес поднял голову, словно узнал ее.

– Хирон? – прошептала Лора.

Она радостно сдвинула маску, чтобы лучше видеть. Он все еще жив! Сколько же ему сейчас лет?.. Четырнадцать? Лора медленно подошла к греческой овчарке, протянула руку.

Хирон был постоянным спутником маленького Кастора – тот даже катался на нем верхом. Во время их бесконечных приключений на городских улицах пес неизменно трусил за своим хозяином и Лорой, как верный страж и нянька.

Хвост шевельнулся на шелковом покрывале. Лора почувствовала странное облегчение, когда пес лизнул ее пальцы в

знак приветствия.

– Я тоже скучала по тебе, дурень. – Она почесала его за ушами. – Но вряд ли ты научился говорить по-человечески и можешь подсказать, как отсюда выбраться?

Пес опустил голову и снова закрыл глаза, свернувшись на покрывале.

– Конечно, – пробормотала Лора. – Так я и думала.

Она кружила по комнате, пушистый ковер заглушал шаги. Ни балкона, ни окон – только люк в потолке. То же и в роскошной ванной комнате, примыкающей к спальне. Лора видела на черном мраморе отражение своей сердитой физиономии.

Она снова запрокинула голову, разглядывая слуховое окно. Если бы она смогла забраться туда, возможно, удалось бы приоткрыть его и протиснуться в щель. Вот только на крыше все равно придется столкнуться с охранниками – охотниками в отличной боевой форме. Пусть Лора сбивала до костяшек остатки своей гордости, но не могла не признать, что одно дело – лупить избалованных богатых деток, и совсем другое – сражаться с тренированными убийцами.

Пес приоткрыл один глаз.

– Не смотри на меня так, – бросила ему Лора. – Я активно планирую побег.

Хирон повернул голову к двери. В следующее мгновение Лора тоже услышала.

– Будьте уверены, мы... – Приглушенный голос звучал все

громче, говоривший приближался к комнате.

Снова нацепив маску, Лора нырнула под кровать, но тотчас выскочила обратно – поняла, что ее увидят от входа. Она бросилась к гардеробу, но сообразила, что Филипп или Аканта, возможно, захотят переодеться, и, хотя Лора многое могла объяснить, она не была уверена, что придумает достойное оправдание тому, что ее занесло в их шкаф. Так что оставался худший из всех возможных вариантов.

Лора едва успела метнуться за декоративную – надеялась она – деревянную ширму в дальнем углу спальни, как замок щелкнул и дверь распахнулась. Сквозь щель между панелями ширмы Лора увидела, что в комнату вошли трое мужчин.

В то же мгновение она поняла, что ошиблась.

Эта комната принадлежала не Филиппу и Аканте.

Хирон вскочил и зарычал. Лора вздрогнула. Она никогда не слышала, чтобы он лаял так глубоко и раскатисто.

– Полегче, зверюга, – сказал Филипп, успокаивающе протягивая руку. – Лежать.

Хирон замер в напряженной позе – голова и хвост опущены... но смотрел он не на Филиппа. Он следил за Кастором.

Лицо нового бога побледнело еще больше. Застыв на месте, он смотрел на собаку, пока между ними не встал Ван.

– Я заберу его, – сказал Филипп. – Он... похоже, не помнит тебя.

– Все в порядке, – резко произнес Кастор. – И я хочу знать, как, черт возьми, Рат получил доступ к твоей сети.

– Техников допрашивают, – вместо Филиппа ответил Эвандер. – Я сам разберусь с ними и с системой. Скорее всего, они сами ее взломали, и в Доме Фетиды предателей нет. Меня больше беспокоит то, что Рат способен использовать свою силу и для этого.

– Самая безотлагательная задача для меня сейчас – защитить бога нашей линии. Кадмиды наверняка попытаются нанести прямой удар, это лишь вопрос времени, – вмешался Филипп. – И когда наступит удачный момент перевезти вас в более безопасное место за городом, я пришлю за вами охрану.

– Ты думаешь, это необходимо? – спросил Ван. – Если у них действительно есть шпион в нашей семье, они всегда будут нас опережать, что бы мы не задумали. Это огромный риск.

– Ты не архонт этого Дома, Посланец, – одернул его Филипп. – Это мое решение.

Посланец. Конечно! Вот что за булавку носил Ван: золотое крыло, указывающее на его статус. В обязанности Посланцев входило больше, чем обычный шпионаж. Их защищала клятва между Домами, и они могли, не опасаясь быть убитыми, передавать сообщения и обмениваться телами погибших.

– Ты уверен, что принял такое решение не потому, что соперничаешь с Аристосом Кадму? – Ван не повысил голос, но его слова прозвучали резко.

Странно, что эти трое до сих пор не услышали ее прерывистого дыхания.

– Эвандер, сын Адониса, – прошипел Филипп. – Заговори со мной еще раз в таком тоне, и я не только сорву с тебя эту булавку, но и заберу другую руку.

Другую руку? Лора наклонилась вперед. Теперь она увидела...

Пальцы правой руки Вана были чуть длиннее, чем на левой, и как будто закаменели. Он мог ими пошевелить, даже сжать, но движения были замедленными и ограниченными. Такие протезы были у многих охотников, пострадавших

в бою.

Проклятье.

Как это могло произойти? Неудачный спарринг? Правая рука была у Вана ведущей – так она помнила по тем немногим тренировкам, которые он посещал, пока его родители занимались здесь своими делами.

Некоторые из пострадавших боролись за право возобновить тренировки, осваивать новые стили боя, подходящие для их изувеченных тел, и оставаться охотниками. Однако большинство рано «выходили на пенсию», и архонт назначал их на гражданские должности вроде архивариуса или целителя.

Лору такой порядок вещей приводил в бешенство: если кто-то хочет сражаться, бороться за *клеос*, он должен получить это право, независимо от обстоятельств.

– Если бы у нас был пророк, мой господин. – Филипп снова обратился к Кастору. – Тогда мы могли бы предвидеть, что Кадмиды...

– Сколько раз я должен повторять, что никаких пророчеств не будет?! – вспылил Кастор. – Это не в моей власти. Похоже, придется еще раз напомнить тебе, что, хотя у меня есть часть силы Аполлона, я – *не он*.

Лора затаила дыхание, когда новый бог сделал несколько шагов в ее сторону, снял золотые перчатки и положил их на столик рядом с ширмой.

Филипп с трудом сдержался, но кивнул.

– Да, мой господин. Конечно, нам всем по-прежнему не терпится услышать историю о том, как невинный двенадцатилетний мальчик победил одного из сильнейших изначальных богов и вознесся. Возможно, ты поговоришь с кем-то из историков нашей родословной...

– Довольно, – отрубил Кастор. Теперь он стоял достаточно близко, чтобы Лора уловила запах ладана, исходивший от его кожи. На мгновение ей показалось, что глаза нового бога встретились с ее глазами, но он повернулся к кровати. – Я хотел бы отдохнуть, прежде чем мы отправимся в путь.

– Кас... мой господин, – начал было Ван. – Возможно, нам следует обсудить...

– Я сказал: довольно. – Кастор так крепко сжал один из столбиков кровати, что он треснул. – Разбуди меня, когда придет время ехать.

Филипп схватил Вана за плечо и подтолкнул к двери.

– Снаружи выставлены охотники. Чем еще я могу быть вам полезен, мой господин?

– Только своим отсутствием, – буркнул Кастор, так и не обернувшись.

– Запри за нами дверь, – напомнил ему Ван.

Кастор кивнул, но не двинулся с места, пока они не вышли из комнаты, да и после этого выждал несколько долгих мгновений. Наконец он повернулся, ударился коленом о сундук в изножье кровати и выругался. Картина того, как могущественный бог подпрыгивает и гримасничает, точно застави-

ла бы ее рассмеяться, если бы его движения не показались Лоре еще более скованными, чем раньше.

Кастор попытался скрестить руки на широкой груди, покрутить шеей. Потом задвинул три засова и нажал кнопку на стене. Лора содрогнулась, когда вниз поползла дополнительная металлическая дверь, наглухо запирая его внутри.

И ее вместе с ним.

Хирон зарычал, когда Кастор приблизился к нему, протягивая руку. Пес злобно оскалился. Кастор не убирал кулак, пока Хирон не сделал выпад, прикусывая его за костяшки пальцев.

– Ты знаешь меня, – прошептал Кастор. – Знаешь.

Лора снова прижала руку ко рту, чтобы не издать ни звука. Хирон его не помнил. Это был не тот мальчик, которого пес обожал и защищал. Это... было нечто *другое*.

Ей бояться нечего – он сам пришел к ней за помощью. У Кастора-бога не было причин ее убивать, даже если она вторглась в этот дом. Но Лора все равно не могла заставить себя пошевелиться. Она чувствовала себя одной из древних статуй, навсегда застывших в одной позе, с вечно открытыми глазами.

Пес захлопнул пасть и успокоился настолько, что Кастор сделал вторую попытку приблизиться к нему. Но когда его рука опустилась на спину собаки, Хирон поднялся, перебрался на гору подушек и свернулся там калачиком, бросив на нового бога подозрительный взгляд. Кастор тоже уставил-

ся на него, и на его лице не осталось и следа тепла или надежды.

Что-то темное, казалось, блуждало внутри него, когда он двинулся по комнате. Его дыхание становилось все более глубоким, затрудненным. Время от времени он останавливался, проводил рукой по выпуклому узору обоев, шелку простыней и занавесок, лепесткам цветов, вырезанных на спинке стула.

Это напоминало какой-то безмолвный ритуал, каждое движение его пальцев было полно благоговения. Лора видела профиль нового бога... и бурю эмоций, отражавшихся на его лице. Кастор что-то бормотал, но она не могла различить ни слова.

Наконец он остановился посреди комнаты. Содрогнувшись всем телом, новый бог снял золотой венок со своих темных волос и сжал его в руке. Раздался тихий треск, обломки полетели на пол.

В это мгновение скрытая панель в стене позади него беззвучно распахнулась, и в комнату бесшумно шагнул охотник в маске Минотавра.

Кастор медленно выпрямился во весь рост и оглянулся как раз в тот момент, когда незнакомец вытащил из-под плаща небольшой пистолет. Кастор лишь пристально смотрел на охотника. Казалось, даже не дышал.

«*Черт!* – мысленно воскликнула Лора. – *Черт, черт, шевелись!*»

Но Кастор словно окаменел. И охотник выстрелил.

Опрокинув ширму, Лора метнула вперед отвертку. Пусть это был не нож, но она рассекла воздух и, как и надеялась Лора, попала прямо в маску нападавшего, заставив его споткнуться и упасть. Охотник пополз обратно к потайной двери, и Лора бросилась вперед. Она была в ярости и не могла позволить ему сбежать.

Мужчина вытащил длинный кинжал из ножен на боку, но Хирон вскочил на кровати и разразился диким лаем. Этой заминки оказалось достаточно, чтобы Лора успела схватить с комода небольшой мраморный бюст и обрушить его на голову нападавшего – раз, другой...

Убийца рухнул на пол и больше не двигался. Из-под темного капюшона вытекла струйка крови. Лора откинула капюшон с его головы и сорвала маску.

Перед ней был Филипп Ахиллеос...

Негодяй! – задохнулась она. И предатель, скрывавшийся под маской чужого клана. Но это не спасло бы его от проклятия, как не защитило от ее возмездия.

Хирон заскулил, и Лора опомнилась. Пес крутился возле лежащего на полу Кастора, обнюхивая его руку. Лора подобрала отвертку и подползла к новому богу. Она осматривала его тело в поисках пулевого отверстия. Возле сердца торчал маленький дротик с перьями – вероятно, с транквилизатором.

«Еще и трус», – подытожила Лора. Филипп Ахиллеос хо-

тел подстраховаться, перед тем как вонзить клинок в сердце Кастора и вознестись.

– Черт тебя подери! – Лора схватила Кастора за плечи и встряхнула. – Всего этого могло бы не случиться! Очнись!

Голова нового бога откинулась назад. Лора прижалась ухом к его груди, но слышала только биение своего сердца.

– Кастор? – Она снова встряхнула его. – Кас!

Новый бог не подавал признаков жизни. Тогда Лора прижала основание ладони к его груди и с силой надавила, повторила движение снова и снова. Наконец Кастор дернулся и начал жадно глотать воздух. Он повернулся на бок, совершенно дезориентированный, ощупывая руками ковер.

– Кас... – Лора потянулась к нему.

Новый бог отполз в сторону и резким движением поднял руку в ее сторону. Лора успела только ахнуть, и воздух в ее легких воспламенился, а из пальцев Кастора вырвался огненный вихрь.

Лора росла с клинком в руках.

Бесконечные часы и дни она упражнялась с тренировочными посохами, кинжалами, копьями и щитами, отрабатывая смертоносные движения, пока хватало сил держать оружие. Рукояти оставляли на ее ладонях темные следы, подобные рекам в Подземном царстве. Она не позволяла мозолям сходить, чтобы задубевшая кожа больше не рвалась.

Лора хотела, чтобы ее тело помнило все: вес оружия, угол удара, точную меру силы, которую в определенный момент следовало выжать из мышц. В глубине души она всегда знала, что придет час, когда разум отключится, не в силах больше сопротивляться боли, но у нее останется ее выучка, ее профессия – воин. Отточенные навыки наконец превратятся в рефлекс.

Именно это и происходило сейчас.

Шкаф за ее спиной разлетелся на тысячи щепок, которые застряли в ее волосах, исцарапали кожу, но Лора не почувствовала этого, ныряя вниз, чтобы избежать нового удара.

Маска... Задыхаясь, она пыталась сорвать ее с лица, но шнурки запутались в волосах, никак не снять, хоть она тянула их что есть силы.

Новая мощная волна швырнула Лору на стену, а в следующее мгновение стальная рука Кастора сдавила ее грудь. Его

предплечье переместилось выше, пережимая ей горло. У Лоры потемнело в глазах. Лицо нового бога будто окаменело – похоже, у Кастора тоже сработали инстинкты тела, которое стремилось выжить.

Действуя почти вслепую, Лора нанесла ему несколько ударов, пытаясь попасть по коленям. Послышался лай, и за спиной Кастора возникло темное пятно. Щелкая зубами, Хирон рванулся вперед.

Из последних сил Лора ударила Кастора в лоб – вот и пригодилась бронзовая маска. Он застонал, из рассеченного лба хлынула кровь. Новый бог отшатнулся, и Лора, ломая ногти, отчаянно рванулась на волю. Он навалился на нее всем своим весом – невероятным, удушающим, – но это все еще был человек.

Обхватив ногами его торс, Лора изловчилась и, перекатившись, оказалась сверху, приставила отвертку к его горлу. Схватив отвертку, новый бог с легкостью направил острие ей в лицо. Его кровь шипела на стали, которая нагревалась в его ладони, превращаясь в жидкое золото. Раскаленное жало приблизилось к глазу Лоры, вырвало ее из тумана безумия.

Хирон выл, вцепившись зубами в руку нового бога. Но тот, казалось, не чувствовал ни острых клыков, ни мощной хватки огромной собаки. Золотые искорки божественной силы плясали вокруг расширенных зрачков Кастора. Он смотрел на Лору, но не видел ее, даже когда сорвал с нее маску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.